

Александр Койфман

ЖИЗНЬ ЖИТОМИРСКОГО ЕВРЕЯ

Александр Койфман

Жизнь житомирского еврея

ООО "Свиньин и сыновья"

2018

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Койфман А. А.

Жизнь житомирского еврея / А. А. Койфман — ООО "Свиньин и сыновья", 2018

ISBN 978-5-98502-160-8

Герой книги, от лица которого ведется повествование, родился и вырос в СССР. Экономист, сотрудник московского НИИ, коллекционер. В девяностые годы, когда в России произошли революционные перемены, почувствовал себя ненужным и попытался найти свое место в жизни. Финансовые игры, метания по городам и странам, женщины, проблемы с детьми – все это проходит на фоне его странного увлечения драматической историей любви одинокой девушки из иного времени.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98502-160-8

© Койфман А. А., 2018
© ООО "Свиньин и сыновья", 2018

Содержание

Часть I. Россия	6
Неприятное известие	6
Случайная женитьба	10
Нежданное «наследство»	17
Семья, какая уж есть	23
На перепутье	28
Cherchez la femme	32
Это легко, если смотришь со стороны	36
Исчезнуть с горизонта	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Койфман

Жизнь житомирского еврея

В оформлении обложки использована картина художника И. Я. Билибина

© Койфман А. А., 2015

© Койфман А. А., 2018, с изменениями

© Оформление. ООО «Свиньин и сыновья», 2015

Часть I. Россия

Неприятное известие

Я приоткрыл один глаз. Светло, хотя штора опущена. Прислушался к своим ощущениям: голова болит, во рту – будто ночевала пара котов. Скосил приоткрытый глаз влево. Рядом какая-то пухлая деваха, волосы всклокочены, носом уткнулась в подушку. Попытался сообразить, где и с кем я. Ничего путного в голову не приходит, да и думать-то трудно. Спал с этой девицей или только пытался? Да нет, спина девицы голая, и мои трусы вон валяются на полу. Как, кстати, ее зовут: Валя, Галя? Я понимал, что нужно вставать, но не помнил почему. Да, ведь сегодня среда – присутственный день. Почему среда, я не помнил, но знал это твердо. Потихоньку выкарабкался из постели, чтобы не разбудить даму и избежать обязательных объяснений. Натянул трусы и попытался найти ванную или хотя бы душ, но наткнулся только на еще одну маленькую комнатку, где храпела какая-то старуха и в воздухе стоял тяжелый дух перегара. Хорошо хоть что нашел у входной двери ведро с водой и кружку рядом. Жадно проглотил полкружки теплой воды и вернулся в первую комнату. Девица еще спала; смотреть на нее не хотелось, вспоминать вчерашний вечер тем более.

Я быстро надел брюки, рубашку и ботинки, нащупал в кармане бумажник и раскрыл его – кажется, все на месте. Еще раз огляделся, все ли забрал свое. В комнате полный бардак. На полу и на столе вперемешку валяются женские вещи; в углу лежит несколько пустых бутылок; на стенах какие-то грязноватые разводы. Под потолком криво висит трехрогая люстра с единственной лампочкой. Захотелось убраться отсюда, смыться как можно быстрее и незаметнее. Я потрогал дверь, отодвинул задвижку и выбрался в небольшой садик. Дверь уныло заскрипела, но меня это уже не волновало. Из садика на улицу вела провисшая калитка. Было чудесное летнее утро, когда воздух еще чистый и прохладный, солнце не печет, и легко дышится полной грудью. Еще бы крепкого кофейку, размечталось.

Но об этом можно было действительно только мечтать.

Я прошел совсем немного и остановился, озираясь: улица была пустая и совершенно незнакомая. Спросить дорогу было не у кого, пришлось идти наудачу. Через квартал наконец встретился слегка поддатый с утра мужичок. На вопрос, где здесь ближайшее метро, он стал нудно объяснять, что метра здесь нет, что до электрички нужно идти по соседней улице минут пятнадцать. Такси по дороге не встретилось, но действительно минут через десять-пятнадцать я добрался до остановки электрички. Совершенно не помнил, чтобы вчера вечером мы тащились по этой длинной улице, наверное, приехали на такси. К счастью, электрички ходили здесь утром через каждые пять минут, и спустя полчаса я уже стоял перед дверями своей «конторы». День был «присутственный», но в комнатах моего сектора была только старшая лаборантка Клавдия Петровна, в своей неизменной синей кофте с черной юбкой.

Собственно, другого и не следовало ожидать, так как Клавдия Петровна и лаборантка Люся ходили на работу по очереди, твердо соблюдая график. Я молча прошел в свою маленькую комнату – кабинет, ответив кивком на приветствие Клавдии Петровны. Через пару минут она сама постучала в дверь и вошла, не дожидаясь ответа.

– Михаил Юрьевич, вас просил зайти к себе Виктор Борисович. Полчаса назад звонил.

Я было уже поднялся идти к шефу, но Клавдия Петровна остановила меня и участливо сказала:

– Вы бы лицо освежили, вид у вас очень усталый; да и кофе, наверное, нужно выпить. Я уже поставила.

Кофе действительно очень хотелось. Я прошел в хозяйственный закуток, пару раз ополоснул под краном лицо, разгладил мешки под глазами и причесался. Вроде видок стал более приемлем. Клавдия Петровна уже поставила на стол большую чашку с дымящимся кофе и тарелочку с печеньем. С высоты своих сорока пяти лет она, вероятно, относилась ко мне, как к большому неухоженному ребенку и немного жалела по-бабски. Кстати, деньги на хозяйство: кофе, печенье и прочие причиндалы – я выдавал ей регулярно.

После кофе жизнь показалась уже не такой отвратной. Я надел висевший всю неделю на стуле пиджак и отправился через длинный коридор к шефу. Раньше отдел занимал несколько комнат подряд на втором этаже, но после того как министерство перестало выделять на науку деньги, а потом и вообще было капитально реорганизовано, дирекция сдала весь второй этаж коммерческим организациям, уплотнив и разбросав отделы. Собственно, это уже было не существенно, так как большая часть сотрудников успела уволиться, а оставшиеся не очень досаждали институту своим присутствием. Институт продолжал делать вид, что он функционирует: сохранились некоторые семинары, на которых будущие диссертанты оттачивали свои навыки выступления перед аудиторией; действовал ученый совет, так как основная часть докторов и матерых кандидатов наук продолжали захаживать в институт. Ведь нужно молодежи давать возможность продвигать науку. Да и деньги предприятий, руководство которых всегда с интересом смотрит на возможность получения ученой степени, институту тоже не мешают.

Кабинет и приемная шефа сохранили вполне приличный вид. Секретарь шефа – Мила Сергеевна – оторвала глаза от книги и промурлыкала своим обычным мягким голоском:

– Проходи, Миша. Виктор Борисович давно ждет тебя. Через приоткрытую дверь было слышно, как шеф негромко разговаривает с кем-то по телефону. Виктор Борисович поднял на меня глаза и помахал приветственно рукой. В строгом костюме, с галстуком в тон рубашке и с модно завязанным узлом, он выглядел не как профессор, а как уверенный в себе министерский работник. Он попрощался с собеседником, положил трубку на место и приподнялся навстречу.

– Проходи, Михаил, садись.

Еще раз оглядел меня внимательно и разулыбался.

– Что-то ты сегодня помятый какой-то. Весело проводил время?

Я досадливо скривился и нехотя ответил:

– Было дело, Виктор Борисович. Вы же знаете Пашку Соловьева. Привязался вчера ко мне, мол, давай отметим десятую годовщину моих корочек. Ну и понеслось. Не помню, где в конце отмечали, утром еле поднялся.

– Да, уж, с Павлом лучше не связываться, бесшабашный. Впрочем, я тебя вызывал по серьезному делу. Меня приглашают в комитет по приватизации и предлагают там быть замом начальника управления по научной части, то есть без аппарата, с одной секретаршей. Не знаю, для чего это мне нужно, но настаивают серьезные люди. Очень трудно отказаться. Намекают, что будут проблемы у института, если я не соглашусь.

– Виктор Борисович, какие еще проблемы они могут добавить? Ведь и так денег не дают, на контакты с заводами посматривают косо. Что еще могут сделать?

– Здание могут отобрать, оно ведь у нас в пользовании, а не в собственности. Проморгали старики в свое время, не добились передачи на баланс. Хотели как скорее, а теперь нам расхлебывать.

– Да, это у них сильное оружие. А что с отделом будет?

– Пока не знаю, но скорее всего расформируют. Ни тебя, ни Петра Семеновича на отдел совет не утвердит. Он слишком старый, у тебя стаж научный мал, да и работы, сам знаешь, не модные сейчас. Петра Семеновича, вероятно, переведут в старшие научные сотрудники и засунут в какой-нибудь отдел, а с тобой труднее. Боюсь, тебе придется искать себе новое занятие. В другом отделе у тебя свободы не будет. Да и на черта тебе этот институт сдался. Сей-

час не те времена. Переходи на вольные хлеба: организуй собственную контору или войди в реальную организацию.

– Страшно, Виктор Борисович. А с вами нельзя пойти в новый комитет?

– Во-первых, нельзя, там до сих пор рассматривают каждого персонально. И решает зам-председателя комитета по представлению начальника управления. Во-вторых, не нужно это тебе. Мне, может быть, и дадут вольный статус, да и то сомнительно. А тебе бы пришлось сидеть как привязанному. Это ведь контора, а не институт. А ты привык зарабатывать не в институте. Тебя ноги кормят.

– Да, привязанным я не хочу быть.

– Так что думай. Но знай, для тебя у меня всегда будет дверь открыта – заходи, не стесняйся, если что-то будет непонятно. Если меня не будет на месте, то связывайся через Милу.

– Спасибо. Сейчас почти все непонятно, хороший совет будет часто нужен. А Милу Сергеевну берут?

– Да, я без нее не соглашался идти. Ну ладно, мне еще нужно созвониться кое с кем. Как примешь решение, дай знать, и поскорее, время поджимает.

Я позавидовал исходящей от шефа энергии. Видно было, что он все решил для себя и готов к новым боям.

– Хорошо, Виктор Борисович, не позже пятницы.

Я вернулся в приемную и в раздумье забыл закрыть за собой дверь.

– Что, Мила, действительно так плохо все?

– Плохо, Миша, все кувырком.

Она встала и аккуратно закрыла дверь.

– И контора новая неудобно для меня расположена, придется с двумя пересадками ездить.

– А ты уже смотрела?

– Да, ездили мы с Виктором Борисовичем смотреть. Кабинетик неплохой и комната отдыха, небольшая, но имеется. Но вот приемная нескладная какая-то, и дуть там будет зимой из окна.

– Ну, окно заклеить очень просто. Позвони мне, как переедете. Кстати, как там пропускной режим?

– Хорошо, я сразу сообщу тебе телефон, как только переедем. Звони, Миша, пропуск я тебе выпишу. Кофейку не хочешь?

– Спасибо, меня Клавдия Петровна угостила.

Я попрощался, зашел в свой сектор, предупредил Клавдию Петровну о том, что сегодня уже не буду на работе, но не стал вести разговор о грядущих неприятностях. Впрочем, наверняка она уже все знала, получив по беспроводному институтскому телеграфу сплетни о предполагаемых изменениях – поди, уже всю неделю в институте судачат. И только я ничего не знал, так как не заходил сюда с прошлой среды. Да и сказать ей нечего, разве только вместе погоревать об окончании свободной жизни. Можно, конечно, побродить по отделам, выяснить подробности у приятелей, но не хочется выслушивать лицемерные соболезнования. Все равно ни от кого, кроме Виктора Борисовича и дирекции, ничего не зависит.

Нужно где-то перекусить, так как до обеда еще далеко. Домой идти сейчас незачем; я не люблю, да и не умею готовить: зряшная это трата времени. Идти в ближайшее кафе и пить там жидкий кофе с бутербродом? Лучше я пройду до улицы Кирова. На Кирова, теперь это снова Мясницкая, имеется в полуподвале небольшое кафе, которое я часто посещаю. Там работает моя приятельница Виктория. Не то что бы я с ней поддерживал постоянные отношения, скорее, это было легкой обоюдной симпатией: я время от времени дарил ей что-то из женских мелочей, а она обычно советовала, что взять поесть из меню. Одновременно мы перекидывались парой

ничего не значащих фраз. Прошелся пешком, так как это недалеко. В кафе было почти пусто. Я пошутил:

– Виктория, что это твои постоянные кавалеры отсутствуют? Разочаровались или супруг с ними поговорил по-мужски?

– Не знаю, он меня в такие дела не посвящает. А ты по-прежнему семейный холостяк? Никто не хочет тебя кормить?

Виктория была счастлива в браке, считала, что так должно быть у всех и не понимала, как можно уйти из семьи. А я досаждал ей своими шутками:

– На тебе женился бы, но ты уже занята, а с твоим супругом страшновато связываться.

Виктория, не спрашивая, поставила передо мной яичницу и стакан горячего кофе и занялась своими делами. Я ел почти автоматически, мысли крутились вокруг необходимости что-то менять в жизни. А менять не хотелось: так привычно жить, не заботясь о будущем, зная, что впереди все просто, хотя и нелегко. Жизнь уверенная и размеренная.

Последняя статья о преимуществах континентальной системы управления финансами (на примере ФРГ) над британской была воспринята в институте с легким одобрением, хотя и не без критики по поводу очевидных намеков на недостатки отечественной системы управления. Впрочем, это уже были арьергардные бои замшелых институтских старичков. Еще три года назад я не позволил бы себе подобных высказываний. Но сейчас без этого просто невозможно что-то писать. Всем уже давно понятно, что изменения необходимы.

С личными финансами тоже все ясно: вся зарплата (полностью) уходит на детей и на съем жилья. На жизнь, то есть на питание и все прочее, нужно зарабатывать дополнительно, но это я умел и делал уже давно. Денег на жизнь и даже на формирование запасов вполне хватало. Но если лишиться зарплаты – вкалывать придется более интенсивно.

Вариант перехода в другой отдел, тем более снова на должность старшего научного сотрудника, не хотелось даже рассматривать. С Виктором Борисовичем у меня уже давно было достигнуто взаимное понимание, а на налаживание отношений с новым начальством могли уйти годы. Это не вариант. Но в голову ничего путного не приходит. Может, съездить в Ленинград и посоветоваться с бывшей женой и тестем? Я съездил домой на Преображенку, взял дорожные принадлежности и купил по дороге на вокзал подарки детям: Ксюше – куклу, закрывающую глаза и пищащую «мама», Владимиру – новый футбольный мяч.

Случайная женитьба

Странная ситуация: зачем советоваться с бывшей женой и ее отцом? Придется рассказать о моем недавнем прошлом. Познакомился я со своей будущей женой случайно, на студенческой вылазке к приятелю на дачу. Было очень весело; спиртного на даче оказалось слишком много (а еще говорят, что водки слишком много не бывает); молодежь с непривычки очень быстро пришла в веселое бесшабашное настроение и разбилась на пары, тем более что дача была большая, изобилующая укромными уголками. С Галей меня познакомила ее подруга. Небольшого роста, каштановые волосы, молоденькая, не красавица, но и не крокодил какой-нибудь. Почему не познакомиться? Отличница Галя, будущая (а позднее бывшая) моя жена, не была избалована мужским вниманием. А тут стильный, симпатичный парень говорит что-то приятное, улыбается, внимательно смотрит в глаза. Это делать я умел неплохо, и Галя растаяла.

В общем, ничего особенного, обычная интрижка, о которой я забыл уже через день после возвращения с дачи, но неопытная Галя не предохранялась и через месяц поняла, что у нее что-то не ладно. После посещения врача она недолго думала и в тот же вечер заявила отцу, что беременна и будет рожать. Отец Гали, доктор экономических наук, профессор Петр Афанасьевич Волобуев, заведующий кафедрой экономики, был одновременно членом партийного бюро нашего института. Для него признание дочери было неожиданным ударом.

Дальше я уже говорю в основном с его слов. Однажды мы в командировке сидели вместе в ресторане, здорово поддали, и он разоткровенничался, что с ним бывало редко. Кое-что рассказала и бабушка Гали, с которой у нас были неплохие отношения. В общем, вот как было дело.

Петр Афанасьевич разразился было проклятиями, но посмотрел на окаменевшее лицо дочери, ее выдвинутый вперед подбородок и, ничего не сказав, ничего не спросив, скрылся в своем кабинете. Размышления были тяжелые; все возможные варианты действия – неприятные и даже опасные.

Можно, конечно, наорать на Галю, потребовать, чтобы она сделала аборт, пригрозить выгнать из дома. Но это все чушь. Он знал характер дочери: если она что-то решила, то переубедить ее невозможно. Кончится только тем, что она уйдет к бабушке Варе – старой коммунистке, безумно любящей свою единственную внучку.

Можно узнать, кто отец и набить ему морду. Очень приятная мысль, тем более что, несмотря на свои сорок восемь лет, он был абсолютно уверен, что уж какому-то сопляку морду набьет тривиально. (Ну уж в этом вопросе он, безусловно, заблуждался, его лишние килограммы и мой многолетний опыт уличных драк не оставляли ему никаких надежд на победу.) Что этот какой-то сопляк – студент, Петр Афанасьевич был уверен; Галя, аккуратная, здравомыслящая девушка, неспособна на связь с взрослым мужчиной. Да и не было у нее таких знакомых: приятелей Петра Афанасьевича, людей степенных, положительных, можно заподозрить в чем угодно, но только не в связи с молоденькой девушкой. А другие мужчины в доме не бывают. Жена Петра Афанасьевича – Лидия Федоровна – преподавала в том же институте английский язык. Занятий в институте у нее было мало, не больше четырех-шести часов в неделю. Женщина слабого здоровья, часто и сильно болеющая, она предпочитала проводить время дома, читая книги и приглашая иногда на чашку чая своих институтских подруг.

Возможен и третий вариант: заставить проходимца жениться и развести их сразу после рождения ребенка. Чем больше Петр Афанасьевич размышлял, тем больше этот вариант ему нравился. Не будет сплетен в институте, и это даже придаст ему на первых порах дополнительную значимость в глазах дирекции. А что будет потом, это можно будет обдумать на досуге спокойно. Но теперь задача, как узнать у дочери имя отца ребенка. Просто так она не скажет,

ясно, что ребенок случайный, иначе она бы пришла к отцу не одна. На жену надежды нет – Галя ее мнение не уважает, раскрываться не будет.

Придется пойти на поклон к старухе. Петр Афанасьевич недолюбливал свою тещу, впрочем, и она отвечала ему взаимностью. Когда-то неотесанный парень с Урала, только что окончивший институт и работающий мастером на заводе, увлек девушку из семьи ленинградских интеллигентов. Семья была в шоке, но обычно мягкая Лидочка проявила вдруг твердость и не поддавалась ни на какие уговоры. Пришлось сыграть свадьбу. Муж Варвары Игнатьевны, Федор Тимофеевич Пушкив, в свои шестьдесят пять лет был еще крепкий мужчина, в прошлом начальник отдела в ленинградском горкоме партии. Оба души не чаяли в своей единственной поздней дочери, родившейся осенью 1945 года, когда они уже не надеялись иметь ребенка. Сначала было все некогда, потом были две войны, и Федор Тимофеевич честно отслужил все это время в танковых войсках: всех бывших кавалеристов Первой конной армии переучивали на танкистов. Только однажды, по дороге из госпиталя на фронт, подполковник Пушкив встретился со своей женой, вернувшейся из Куйбышева в Ленинград. А в результате, на радость обоим, родилась дочка.

Брак оказался на удивление удачным. С помощью тестя, сохранившего часть прежних связей, Петр Афанасьевич попал в аспирантуру и быстро прошел путь до заведующего кафедрой. Но Варвара Игнатьевна так и не смогла изменить свое отношение к зятю, тем более что до нее пару раз доходили слухи, что в редких командировках на заводы он позволяет себе некоторые вольности. Лидии Федоровне тоже нашептывали об этом на ухо «доброжелательницы», но она отказывалась верить – так было легче жить, тем более что в Ленинграде муж вел себя безукоризненно, проявляя большое уважение к супруге.

На следующий день Петр Афанасьевич после лекции сказал на кафедре, что не очень хорошо себя чувствует, и отправится домой отдохнуть. На своей машине он добрался до дачного поселка старых коммунистов минут за сорок. У Варвары Игнатьевны сидели две сверстницы – подружки, неторопливо обсуждая политические новости, прочитанные во вчерашней «Правде». Несмотря на свои семьдесят восемь лет, Варвара Игнатьевна была еще довольно крепкая и решительная женщина. Схоронив несколько лет назад мужа, она не захотела жить в городской квартире и постоянно, даже зимой, жила на даче. Увидев зятя, она немного изменилась в лице, ведь он никогда не приезжал к ней без жены, да и приезжал-то лишь на день рождения или поздравить в большие праздники.

– Что, с Лидочкой что-то случилось? Где она, в больнице?

– Да нет, с Лидой все в порядке, я хотел посоветоваться с тобой насчет Галки.

Варваре Игнатьевне настолько непривычно было услышать от зятя слово «посоветоваться», что она от неожиданности села на стул.

– А что с Галочкой?

– Рожать собралась.

– Что? Она же еще совсем молоденькая! И куда вы с Лидой смотрели? Кто отец?

– Если бы я знал. Галка молчит. Лида еще не в курсе, а я к тебе поэтому и приехал. Может быть, ты сумеешь разобраться: она с тобой обычно делится. Не может же человек долго держать такое в себе.

– И что ты собираешься делать, если узнаешь, кто он? – Не знаю, Варвара Игнатьевна, слава богу, пока не был в такой ситуации. Но и не знать тоже тяжело. Может быть, вместе придумаем, чем ей помочь.

В свои мысли о третьем варианте Петр Афанасьевич пока никого не хотел посвящать.

– Хорошо, я приеду завтра. Но обещай, что ничего не будешь делать без меня.

– Не хочешь поехать со мной сейчас?

– Нет, сейчас нельзя, она поймет, что ты меня специально привез, и замкнется. Пусть пока немного покопается в себе. Потом сильнее захочется высказаться.

Обсуждать больше было нечего, да и не такая была Варвара Игнатьевна женщина, чтобы охать и ахать, даже по такой беде. Петр Афанасьевич распрощался и отправился домой.

Действительно, на следующий день к обеду Варвара Игнатьевна приехала к дочке, привезла гостинцев домашнего приготовления и сказала, что ей скучно стало на даче и она поживет несколько дней у них. Вечером она угостила внучку чаем с домашним вареньем, попросила рассказать, что нового в институте, и потом они долго о чем-то шептались в Галиной комнате за закрытыми дверями.

В общем, Варвара Игнатьевна сообщила Петру Афанасьевичу мои имя и фамилию, и после долгих споров они решили, что сначала он все разузнает обо мне, а уж потом решит, что делать дальше. Петр Афанасьевич навел справки о Михаиле Юрьевиче Рогозине в деканате, в комсомольской организации и первом отделе, но ничего особенного не узнал. Учится нормально, хвостов никогда не было, но и повышенную стипендию не получает. В общественной жизни участвует мало, но в противоправных действиях или в диссидентской деятельности замешан не был. Правда, в комитете комсомола сказали, что одевается явно не по средствам, практически стилиага; но не пойман – не вор.

Они еще раз обсудили все с Варварой Игнатьевной и решили, что пора поговорить с «отцом» серьезно. Через день, после очередной лекции, которую Петр Афанасьевич читал всему курсу, он неожиданно попросил меня остаться в зале на минутку. Я оторопел:

– Что, Петр Афанасьевич, кто-то жалуется на меня?

– Почему жалуются, я ведь не декан. У меня к вам, Рогозин, личный вопрос. Давайте сходим куда-нибудь, посидим, поговорим.

– Хорошо, Петр Афанасьевич, почему не поговорить. Я решил, что до Волобуева дошел слух о моих возможностях в доставании дефицитных вещей. Странно только, кто ему мог сказать, ведь я старался не посвящать институтских знакомых в систему своих связей. Мы вышли вместе из института, и Петр Афанасьевич начал озираться, куда бы пойти для разговора. Но я, конечно, сориентировался скорее.

– Петр Афанасьевич, тут в соседнем квартале есть тихое кафе, там никто не помешает нам обсудить все.

В кафе Петр Афанасьевич долго не мог решиться, как начать разговор. Заказал бутылку белого вина, чтобы протянуть время. Пока официант собирал на стол, помолчали. Я тоже не хотел начинать разговор первым. Наконец Петр Афанасьевич не выдержал.

– Собственно, я отец Гали.

Я начал понимать, что разговор пойдет совсем в другом направлении, и лихорадочно пытался вспомнить, о какой Гале может идти речь. В голову ничего путного не приходило.

– Да?

И снова молчание. Еще через пару минут Петр Афанасьевич продолжил.

– Галя беременна, будет рожать, и ты отец ребенка.

– Петр Афанасьевич, это Галя сказала?

Я просто тянул время, пытаюсь понять, о какой Гале он говорит. В тот вечер я не удосужился спросить фамилию своей подруги и, конечно, не предполагал, что она дочь уважаемого заведующего кафедрой. Знал бы – на три шага не подошел. Обычно я предпочитал простых, но опытных девушек, с которыми не нужно беспокоиться о последствиях.

– Да нет, она мне не говорила, но это точно. Вы были вместе на какой-то чертовой даче. И ведь никуда не ходит обычно, а тут...

Я вдруг понял, о ком речь. Вот это да, попал как кур в ощип. В двадцать два года – и быть отцом? Наверное, я изменился в лице, так как Петр Афанасьевич сразу сказал:

– Вы, Михаил, не волнуйтесь, у меня и у Гали к вам требований никаких нет. Просто я хотел посмотреть вам в лицо. Все-таки какой-никакой, а вы отец моего внука. Ребенка мы вырастим без вас. И как она на вас наткнулась?..

– Петр Афанасьевич, я даже не знаю что сказать.

Честное слово. Можно, я к вам зайду завтра на кафедру?

– Зачем? Чтобы все на кафедре потом судачили? Если хочешь, приходи завтра после обеда ко мне домой. Галя будет в институте, а жена на работе. Если хочешь, поговорим, вот адрес.

Петр Афанасьевич неторопливо вытащил авторучку и записал адрес на салфетке.

– Хорошо, Петр Афанасьевич, спасибо.

– Не за что. Думаешь, мне этот разговор будет приятен? Ладно, придешь – обсудим. По-мужски.

Я хотел было расплатиться с официантом, но Петр Афанасьевич решительно отстранил меня, отдал деньги и вышел, не оборачиваясь. По дороге домой он несколько раз проиграл в уме весь разговор и остался удовлетворен собой: ничем не выдал своего замысла, заставил «отца» напроситься на встречу. Теперь нужно продумать, как вести себя с Галкой. И парнишка вроде неплохо выдержал удар. Может быть, все и получится, как задумалось.

В свою очередь и я пытался понять, что от меня хочет Петр Афанасьевич. Ясно, что он хочет устроить «нечаянную» встречу с Галиной. Возможно, и жена появится на сцене. Что ему может быть нужно от бедного студента? Что с него можно взять? Только фамилию; только «покрыть грех»; вряд ли студент нужен как реальный муж. Я уже почти не помнил лицо Гали, в памяти осталось только смутное воспоминание чего-то жесткого в лице – вероятно, выдвинутый вперед подбородок, закушенная нижняя губа и плотно закрытые глаза.

Что нужно взять с собой? Дверь, скорее всего, откроет жена, нужен букет цветов; не охапка, но что-то приличное. Для хозяина нужно захватить бутылку хорошего коньяка: французского или марочного грузинского. Для разговора с Галей подготовить два варианта: минимальный и максимальный. Максимальный: хорошее кольцо, если дело дойдет до обещаний жениться. Минимальный: это если все обернется извинениями. Нет, для этого меня бы не пригласили. Ладно, на всякий случай нужно в запас взять очень хорошие духи. Что-то французское. Стало спокойнее на душе. Все определено, времени достаточно, чтобы все подготовить.

На следующий день я ровно в четыре часа позвонил в дверь. Вместо известной мне преподавательницы дверь открыла незнакомая сухошавая старушка. Кто она? Непохожа на домработницу. Она внимательно разглядывала меня, стоя в приоткрытой двери. Чтобы прервать затянувшуюся паузу я протянул ей букет и представился:

– Я – Михаил. Петр Афанасьевич пригласил меня для разговора.

Старушка молча взяла букет и отступила в прихожую. Вероятно, она не знала пока, как себя вести, и предоставляла мне самому выкручиваться из неудобного положения. Пришлось на ходу изменять заготовленный разговор.

– Петр Афанасьевич у себя?

– Да, проходите.

Цветы она все еще держала в руках, не зная, что с ними делать. Петр Афанасьевич поднялся из кресла мне навстречу.

– Проходи, садись, обсудим. – И указал на соседнее кресло.

Я не торопясь раскрыл дипломат и вынул из него бутылку французского арманьяка.

– Хорошо, но не будем же мы обсуждать такой вопрос всухую.

Петр Афанасьевич немного поморщился (перехватывает инициативу сопляк), но встал и вынул из шкафа две рюмки. Потом посмотрел на этикетку бутылки, на рюмки и сказал:

– Обожди, такой напиток не стоит пить из водочных рюмок. Пойду, заодно что-нибудь захвачу из закуски.

Он вышел из кабинета, притворив за собой дверь. Я воспользовался моментом и встал посмотреть фотографии за стеклом книжного шкафа. На одной из полок последовательно сто-

яли фотографии Гали: в детском садике, с пионерским галстуком, в школьной форме с белым передником. Сомнений нет, это та же Галя. Я снова сел в кресло.

Вошел Петр Афанасьевич с двумя коньячными фужерами и сказал, что закуску сейчас соорудит теща. Понятно, значит, правильно я цветы отдал. Судя по выражению ее лица, ее голос в доме не последний.

Петр Афанасьевич еще раз оглядел бутылку, аккуратно снял обертку, вытащил пробку и плеснул немного арманьяка в фужеры. Я взял свой фужер, погрел его в руке и поднес к носу, не поднимая головы. Петр Афанасьевич украдкой наблюдал за моими движениями, пытаюсь понять, что кроется за этим видимым спокойствием. Одновременно он автоматически проделал почти те же действия, досадливо отметив про себя, что повторяет мои движения. Мы оба отпили по глотку ароматного напитка и приготовились к неизбежному тяжелому разговору.

Похоже, теперь была моя очередь начинать разговор. – Петр Афанасьевич, вы ведь не просто так предложили эту встречу, чтобы снова посмотреть на меня. У вас, наверное, есть какие-то предложения? Поверьте, я искренно хочу найти какое-то разумное решение. Я готов во всем пойти навстречу. Скажите только, Галя действительно собирается рожать?

– А ты сам спроси ее.

– Ну что вы. После такого вопроса она меня прогонит и не захочет видеть. Она знает о наших с вами разговорах?

– Нет, абсолютно ничего не знает. Я бы хотел, чтобы ты сам рассказал ей все.

– Но я видел ее только один раз. Мне трудно начать такой разговор, да и где я найду место для разговора?

Только если вы мне поможете.

Наверное, мой тон начинал нравиться Петру Афанасьевичу. Может быть, паршивец и не такой подлец, как ему казалось?

– Я думаю, что она скоро придет. Но мы должны сначала договориться с тобой, о чем у вас пойдет разговор.

– Петр Афанасьевич, давайте говорить напрямик, вы хотите, чтобы у ребенка в свидетельстве о рождении была запись об отце?

– В общем, и это, в первую очередь. Но я бы хотел, чтобы было не только свидетельство о рождении, но и свидетельство о браке.

– Петр Афанасьевич, вы же понимаете, что от бедного студента никакой реальной помощи Галине не будет. Да и согласится ли она на такой вариант. По-моему, она девушка с характером.

– Это да, этого у нее хватает. Честно говоря, я не понимаю, что у вас могло быть общего. Но это прошлое, не будем в нем копаться. Мое предложение простое: вы распишетесь, а после рождения ребенка расторгнете брак, и оба свободны. В основном все. Никакой помощи Галине от тебя не нужно, мы справимся. Жена возьмет годовой отпуск и поможет Гале, чтобы она могла завершить учебу. Да и теща, Вера Игнатьевна, поможет, хоть и старая. Тебе я постараюсь помочь в распределении или в чем другом, что тебе нужно.

– Да вроде, ничего не нужно, но спасибо. Давайте посмотрим, что скажет Галя.

– Хорошо, она должна скоро подойти, подождем.

Вошла Варвара Игнатьевна, принесла поднос с двумя тарелочками, на которых были нарезанные яблоки и лимон, внимательно посмотрела на наши лица и тихо закрыла за собой дверь. Петр Афанасьевич долил в фужеры немного арманьяка. Я демонстративно взял вместо лимона дольку яблока.

Надо сказать, что мои некоторые знания в области дегустирования хороших напитков были результатом общения с одной из моих клиенток. Анна Андреевна – хорошо сохранившаяся жена довольно солидного дипломата – увлекалась французскими авторами конца XIX века. Предпочитала читать в подлиннике. И я периодически доставлял ей радость общения с

любимыми авторами. Вообще-то, найти в хорошем состоянии такие книги не просто, особенно первоиздания, но с другой стороны, кроме библиофилов, даже в Ленинграде они никому не нужны. Уже при второй встрече ее интерес к книгам дополнился интересом к моей персоне. Муж после их возвращения из Парижа получил должность в МИДе, связанную с инспекционными поездками в посольства, оставлял ее часто и надолго одну в не очень любимом городе. Знакомых не слишком много, скучно, а тут молодой парнишка, совсем неотесанный, которого нужно и можно наставлять, учить многому. И она учила. В том числе правилам хорошего тона, этикету. Естественно, я весьма настойчиво искал для нее книги, чтобы опять и опять посещать ее уютную квартиру, вдыхать запах ее духов и постигать все виды преподаваемых ею наук. Возможно, главное, что я воспринял из ее уроков, это желание и умение прислушиваться к ощущениям женщины, понимание, что для нее важен не только секс, но и все то, что ему предшествует и после него следует.

Я, конечно, уже не брал с нее деньги за книги. Но она регулярно дарила мне импортную одежду, обувь, прекрасные напитки, привозимые мужем. К сожалению, наше знакомство продолжалось чуть более полугода. А потом мужа направили с повышением в Данию. Анна Андреевна тяжело переживала предстоящий переезд в Копенгаген, о котором у нее были только неприятные воспоминания по прежней работе мужа.

Впрочем, вернемся к нашему разговору. Посидели молча, смакуя прекрасный напиток. Петр Афанасьевич не выдержал долгой паузы и уже хотел что-то добавить, но зазвенел входной звонок, и он промолчал.

Лидию Федоровну с Галей встретила в прихожей Варвара Игнатьевна и будничным голосом попросила Галю зайти к отцу. Галя спокойно вошла в кабинет, но тут же, увидев меня в кресле с фужером в руке, бросилась через гостиную в свою комнату и захлопнула за собой дверь. Лидия Федоровна удивленно спросила мать:

– Что происходит?

Но Варвара Игнатьевна спокойно ответила:

– Не волнуйся, Лидочка, все нормально.

Она подошла к двери Галиной комнаты и начала что-то тихо говорить через дверь. В общем, через десяток минут она вывела внучку из ее убежища и проводила в ванную умыться лицо. Потом зашла в кабинет к мужчинам и обратилась ко мне:

– Ну, что сидишь, иди к ней, разговаривай.

– О чем?

– О том. Ты пришел просить ее руки или просто поболтать?

– Но она же не хочет со мной разговаривать.

– Вроде большой уже, а простой вещи не понимаешь. Когда это девчонка отказывалась разговаривать, если ее просят выйти замуж?

Я понял, что минимальный вариант не пройдет, и вытащил из дипломата коробочку с кольцом. Глаза Варвары Игнатьевны сразу подобрели.

– А ты не такой уж глупый. Это лучшее лекарство против девичьих слез.

Мы никогда не узнаем, что говорила бабушка внучке, обращалась ли к ее сердцу или мотивировала дальнейшее интересами ребенка, но Галя все же выслушала все мои слова, опустив голову и не глядя на колечко, которое, кстати, весьма одобрила Варвара Игнатьевна. И неудивительно, оно было тонкой работы: скань с зернью; и в светлой коронке очень чистый небольшой уральский изумруд. На вопрос Варвары Игнатьевны мне пришлось невразумительно сказать, что это семейное, бабушкино колечко. Галя так и не посмотрела на кольцо, но, наконец, осмелилась посмотреть на меня. Позднее она мне рассказала, что запомнила меня с первого курса, видела мельком иногда в коридорах института: модно одетого, уверенного в себе старшекурсника. Только одной подружке она открылась в конце первого курса. А

подружка затащила ее на ту злосчастную студенческую вечеринку на даче и познакомила со мной. И вот я стою перед ней и протягиваю обручальное колечко.

Ошеломленная Галя не слышала, что говорит отец, не поняла, что речь идет о фиктивном браке, что все уже обговорено за ее спиной и все собираются разыграть какую-то комедию. Когда же поняла ситуацию, то снова заперлась у себя. После моего ухода, она все же вышла и, к удивлению Петра Афанасьевича, начала обсуждать с ним детали предстоящего события.

Расписались в загсе отдаленного района, где у Варвары Игнатьевны были стародавние знакомые. Лишних вопросов никто не задавал, на церемонии присутствовали только самые близкие родственники Гали и двое моих приятелей. Я коротко сообщил домой, что женился, и получил в ответ поздравительную телеграмму от матери. Пришлось окончательно переехать из общежития в свою съемную комнату, сказав приятелям, что живу теперь у родителей жены. Чтобы не было недоуменных вопросов родственников и знакомых, Волобуевы сказали всем, что молодые переехали в квартиру бабушки.

Нежданное «наследство»

Теперь нужно пояснить, откуда у «бедного студента» материальные возможности хорошо одеваться, снимать дополнительно к общежитию комнату, делать приличные подарки. Ведь родился я в обычной житомирской семье, с трудом сводившей концы с концами от аванса до получки. Отец работал мастером на фабрике инвалидов, производившей детские игрушки; мать была медсестрой в городской больнице. Простые предположения – получил наследство или нашел клад. Почти так оно и было.

Я легко учился в школе, но не был отличником: мешало уличное братство таких же, как я, мальчишек. Обычно после школы я обедал тем, что находил дома, наспех делал уроки и убегал на улицу к ребятам. Мы гуляли по улице Ленина и доходили до улицы Щорса, где всегда происходило что-нибудь интересное, в витринах были выставлены всякие заманчивые вещи. В младших классах интересовались мороженым и сладостями; в старших – пивом и одеждой. Правда, интересной одежды в магазинах никогда не было. Может быть, она и бывала, но до витрин не доходила. Прикольную майку можно было купить только с рук у взрослых, имевших связи с Киевом. Мечтать о фирменной обуви или брюках было бессмысленно: таких денег у меня даже и быть не могло. Мать давала тридцать, а иногда пятьдесят копеек на завтрак в школе. Завтракать в буфете было не обязательно, но скопить какую-то приличную сумму, сэкономив на завтраках, было невозможно.

Да и не нужно. Уже в четвертом классе я научился добывать деньги на улице. Играл в пристенок, в биты, позднее в карты, активно менял все на все, практически всегда бывая в выигрыше. Доходы были мизерные, но соответствовали моим не слишком большим потребностям. Я был невысокого роста, худощавый, гибкий и неплохо держал удар. Дрались часто, особенно с шайкой мальчишек с соседней улицы. Не боялся, что могу пострадать: ножей на улице в младших классах, да и в старших еще не было, а получить пару ударов по корпусу или даже по носу – не страшно. Главное, чтобы мама ничего не заметила. Кроме того, я получил несколько уроков самбо у старшего брата одного из моих друзей.

После школы встал вопрос, что делать дальше. Отец предложил устроить на фабрику учеником. Трудно, но отец надеялся, что начальство пойдет ему навстречу. Тем более что в местной газете неоднократно писали красивые очерки о рабочих династиях. Мама была за поступление в вуз, но отец отнесся к этому весьма скептически.

– Что, он у нас, медалист что ли? Кто его возьмет с пятой графой?

Мама возмутилась:

– Всегда ты так, Юра. Ведь он не Коин, а Рогозин Михаил Юрьевич.

– Ну что ты, мать, в приемной комиссии смотрят не по паспорту, а по роже. А он у нас на лицо, как и я, типичный Коин.

Коин была девичья фамилия Розы Исааковны, моей бабушки по отцу. В детстве я не очень обращал внимание на свою внешность, но в старших классах уже задумывался о своем типичном носе и небольшой картавости. Жидом меня практически никогда не называли, но все понимали, что я еврей. Правда, в нашей компании это не было каким-то недостатком. Почти все мальчишки были на половину или хотя бы на четверть евреи.

Как всегда, в споре победила мама. Отец сдался, но сказал, что если Мишка завалит экзамены, то пойдет перед армией работать на фабрику. Мама списалась с вдовой своего двоюродного брата, жившей в Ленинграде, и та пообещала «присмотреть за ребенком» первое время. Отец предупредил, что он не сможет посылать больше чем по пятнадцать рублей в месяц и дал пятьдесят рублей на дорогу. Мама порылась в каких-то баночках на кухне и сунула мне еще пятьдесят рублей. Я просмотрел все свои «богатства» и решил, что кое-что можно попытаться

продать. Продавать из-за спешки пришлось по дешевке, но за три дня мне удалось получить от приятелей за это добро более пятидесяти рублей. Таких денег у меня еще никогда не бывало.

Деревянный чемоданчик в руках, автобус до Киева, билет до Ленинграда – и вот я комфортабельно еду в плацкартном вагоне на верхней боковой полке. Жара, вонь в вагоне – все это ерунда, зато можно посидеть в прохладном вагоне-ресторане и заказать бутылочку пива и настоящий бифштекс с глазуньей. Финансы позволяют.

Двоюродная (или троюродная?) тетушка оказалась довольно пожилой дамой, одиноко живущей в маленькой двухкомнатной квартирке двухэтажного деревянного дома, как-то сохранившегося отнюдь не на краю города. Тетя, Клавдия Сергеевна, сразу предупредила, что приходить домой я должен не позже десяти вечера, что на еду она будет у меня брать двадцать пять рублей в месяц, а за проживание ничего не возьмет, пока я сдаю экзамены. Но намекнула, что мне, вероятно, будет удобнее жить в общежитии, если его дадут. Ну, а если не дадут, то она с меня будет за проживание брать только тридцать рублей в месяц, но без питания.

Как ни странно, в машиностроительный институт я поступил. Наверное, не зря просидел целую неделю над учебниками и задачками по физике, которые привез в чемоданчике. За математику, литературу и английский язык я не опасался: математика мне всегда давалась легко, а по литературе и английскому я меньше четверки никогда в школе не получал – память была хорошая. Но общежитие обещали дать только после первого семестра.

И вот, полная свобода, в колхоз почему-то не отправили, учеба еще не скоро, но и стипендия тоже не скоро. А гигантская сумма сто пятьдесят рублей испаряется в Ленинграде слишком быстро. Выручил знакомый, сдававший вместе со мной экзамены в институт, но провалившийся на математике. Он подсказал, что на товарной станции всегда имеется работа. Действительно, грузчики на товарной станции были нужны. Я был не очень крепкий, но жилистый; тяжелая многочасовая работа не радовала, но ведь каждый вечер нам выдавали десять, а то и пятнадцать рублей. И так шесть дней в неделю. Зато в воскресенье я «гулял»: бродил по Ленинграду, рассматривал дворцы, девушек, покупал мороженое; позволял себе вечером зайти в кафе и поужинать с пивом на шесть-семь рублей.

Жизнь резко изменилась после того, как однажды вечером Клавдия Сергеевна попросила меня помочь ее знакомой в соседнем доме вынести к мусорным бакам ненужные вещи. У той знакомой умерла бабка покойного мужа дочери, которая жила вместе с ней и занимала целую комнату.

– Ну, если честно, то на самом деле это Марья жила у бабки. Раньше, еще до революции, бабкиной семье принадлежал весь дом. Потом отца расстреляли, мать померла, дом, понятное дело, отобрали, а ей оставили две комнатенки. И то, вроде друзья-приятели помогли, которых было великое множество. А вот у самой семья не заладилась: замужество оказалось неудачным, сына одна растила, пока не призвали в армию. Тут как раз финская война, и сын погиб в первые же месяцы. И тут же объявилась подружка сына, принесла бабке ребеночка, дескать ее родители не хотят признавать незаконного внука.

Клавдия Сергеевна перевела дух, она явно любила посудачить.

– Бабка тогда еще молодая, безотказная была, сердобольная. Внука вынянчила, пережила с ним как-то блокаду, только опять все пошло нескладно. Внук чуть оперился – женился, упрямил бабку прописать у себя и жену, и ее мамашу, то есть эту самую Марью. Безалаберный был, с работой не получалось, пить начал да по пьяному делу попал под машину. Жена, не долго думая, снова выскочила замуж и уехала с новым мужем на Дальний Восток. А наша Марья осталась жить у старухи, которая померла вот только теперь, в восемьдесят шесть лет.

Тетушка сделала паузу, собираясь сказать главное:

– А Марья-то, как бабку схоронила, нашла у нее под матрасом деньги, да большие деньги, и хочет устроить себе новую спальню. Самой выбросить бабкино барахло не под силу, ноги болят, вот и просит помочь. Обещает заплатить десять рублей.

Действительно, десять рублей на дороге не валяются. На следующий день вместо товарной станции я пошел в соседний дом.

Дверь открыла пожилая рыхлая женщина, с трудом передвигающаяся на распухших ногах. Оглядела меня, сказала, что ее звать Марья Федоровна и почти сразу начала жаловаться: на тяжелую жизнь, на ноги, на старуху, которая портила ей кровь почти восемнадцать лет, и вот только теперь померла, царствие ей небесное. В комнате старухи было трудно дышать: пахло старостью, затхлостью, мочой. Я попытался открыть окно, но оно было забито гвоздями и плотно замазано каким-то коричневым составом. Я осмотрелся. Работы тут не на пару часов. Оказалось, что нужно выбросить кровать с матрасом и одеялами; шкаф с отделениями для посуды, одежды, книг; два стула и облезлое кресло, а также несколько картонных ящиков, стоящих под кроватью.

Хозяйка сказала, что часть посуды и одежды она унесла к себе в комнату, а все остальное можно выбрасывать не разбирая. Я открыл шкаф и увидел, что «все остальное» – это старые книги, альбомы с фотографиями, какие-то безделушки и связки писем. Еще раз переспросил хозяйку:

– Это все действительно нужно выбрасывать? Ведь, наверное, что-то можно сдать в букинистический магазин?

– Ноги у меня не те, чтобы таскаться по магазинам.

Если хочешь, сам неси.

Я взял одну из пачек писем, развязал веревочку и вытащил случайное письмо из середины. На хорошо сохранившемся конверте, аккуратным почерком был написан адрес этого дома. В правом углу наклеены две обычные марки царского времени и благотворительная марка времен Японской войны. Не бог весть что, но на целом конверте с хорошей печатью. Тогда я еще плохо знал марки, никогда серьезно не собирал их, но понимал, что это легко продать коллекционерам. Пролистал пачку, оглядел шкаф с книгами, альбомами и не поверил своим глазам. Такое богатство идет в руки. Не сон ли, право? Но куда это деть? Клавдия Сергеевна не разрешит забрать весь этот «хлам» к себе в квартиру. Что же придумать?

– Мария Федоровна, нет ли у вас сарайчика или подвала, чтобы сложить часть книг?

Хозяйка сразу заподозрила что-то неладное и возразила:

– Ты что, не хочешь далеко таскать? Так я же тебе именно за это плачу десять рублей.

– Нет, нет, Мария Федоровна. Просто у меня нет знакомых в Ленинграде, а здесь много книг, которые я не читал. Хочу их куда-нибудь сложить, а потом потихоньку забрать. Вы же знаете Клавдию Сергеевну, она ни за что не разрешит мне занести эти книги домой.

– И правильно сделает. Я бы тоже не разрешила тащить в чистую квартиру такую гадость. Есть у меня чердак, но тогда ты еще вымоешь мне эту комнату. Да, там на чердаке тоже много хлама, я туда лет десять назад перетаскивала старухино барахло. Но там места еще много.

– Конечно, вымою, Мария Федоровна. Можно посмотреть чердак?

– Обожди, вспомню, где ключ лежит. Там закрыто.

Хозяйка принесла ключ от амбарного замка и сообщила, что закрыт только ее чердак, так что я не ошибусь. На чердаке было довольно темно. Свет еле пробивался через маленькое запыленное и покрытое паутиной окошко. Но видно было, что большая часть чердака занята полуразрушенной мебелью, а под окошком стоит деревянный сундук. Сундук был не заперт, я приоткрыл крышку и увидел, что в нем, так же как и в шкафу, свалены книги, альбомы и какие-то папки.

Уборку комнаты я начал с матраса, оттащив его к мусорным бакам в соседнем квартале. На обратном пути забежал в гастроном на углу и выпросил несколько пустых картонных ящиков. Первым делом сложил содержимое шкафа в ящики и отнес на чердак. В ящиках под кроватью, кроме старого постельного белья и одежды, ничего интересного не было, и я довольно быстро отнес их вместе с разобранной кроватью, стульями и креслом к мусорным бакам.

Со шкафом пришлось повозиться. Добротно сделанный в конце XIX века, он был не только очень тяжелым, но и совершенно не поддающимся разборке. Пришлось с чердака нести тяжелый топор и разбивать его на части. Только к обеду удалось справиться, и я снова оглядел пустую комнату с одиноко висящей над местом, где была кровать, небольшой картиной в плоской простенькой рамочке. На картине было нарисовано что-то похожее на девушку. Собственно, можно было только догадаться, что это девушка, так как тонкие черты склоненного вперед лица существовали как будто отдельно от грубых очертаний неуклюжей фигуры, к тому же перечеркнутой чем-то похожим на простую доску. Я с сомнением еще раз посмотрел на странную картину, размышляя, куда ее тащить. Еще раз идти к мусорным бакам или подниматься на чердак не хотелось, и я решил отнести ее домой. Кажется, она нарисована маслом – что-нибудь за нее дадут. За одну картинку тетка, наверное, не станет ругаться, а может быть, и не заметит ее.

Мария Федоровна с удовольствием осмотрела пустую комнату, плюнула в сторону приклоненной к стене картины и скомандовала:

– Ну, теперь бери таз, тряпку и мой эту комнату с порошком. И не забудь ободрать обои.

Пришлось сдирать много слоев обоев и драить выщербленные паркетные полы. Но все кончается. Десять рублей и ключ от чердака в кармане, картина завернута в старую газету – и можно идти домой.

Следующие два дня я тяжело работал на станции, и мне было не до «бабкиного наследства». Только в субботу утром добрался до чердака, взял из одного ящика толстый иллюстрированный том с жизнеописанием Александра II и четыре тоненькие книжечки стихов: в общем, дребедень, которую даже не стал разглядывать, и понес в букинистический магазин. До магазина я не дошел несколько шагов, так как у входа встретил лысоватого мужчину с толстым портфелем, который небрежно спросил:

– Что несем сдавать, молодой человек?

Я показал толстый том и удивился, как изменилось лицо лысоватого. Тот спросил уже совершенно другим голосом:

– И сколько ты за него хочешь?

Я знал, что придется торговаться, и постарался небрежным голосом сказать:

– Стольник.

Лысоватый почему-то не стал торговаться, и молча полез в карман за бумажником. Мне это не понравилось. Конечно, я не знал, что этот роскошный подарочный экземпляр может быть продан любителю не меньше, чем за двести долларов, но я видел, что передо мной не фраер. Тогда значит я – фраер? И тут же добавил:

– Но я давно обещал этот том приемщику. Извини, не могу мужика обманывать.

Лысоватый внимательно посмотрел в мои честные, открытые глаза, понимая, что я вру на ходу, ведь в магазине работали только женщины. Но не стал меня разоблачать, а сразу же предложил заплатить вдвое, мол он давно ищет именно эту книгу для своей научной работы. Я сдался, книги и деньги перешли из рук в руки. К моему удивлению лысоватый и за четыре брошюры стихов отвалил сто рублей и даже не поморщился.

Домой я шел, ощущая в кармане приличную пачечку десятирублевых бумажек. Триста рублей – это же на станции месяц нужно вкалывать. Но в то же время было неприятное чувство, что меня обвели вокруг пальца. Ладно, в следующий раз никаких продаж до выяснения настоящей цены вещи.

И все время до начала занятий в институте я посвятил изучению цен в букинистических магазинах. Смотрел книги, открытки, гравюры. Однажды забрел в художественную галерею и удивился, увидев что-то похожее на портрет «девушки». Конечно, это была не девушка, а зрелая дама, и фигура была другая, и она не была разрезана, а просто нарисована без ног.

Да и размеры полотна были больше, чем у моей «девушки». Но что-то общее у них было. Я поинтересовался у пожилой продавщицы, что это за картина. Продавщица ответила:

– Это хорошая копия известной картины художника Сергея Бабкина, и она может прекрасно украсить интерьер вашей гостиной.

Меня поразила трехзначная цена. Даже если у меня тоже копия, то это ведь эквивалент двухмесячной работы на станции.

– А почему вы думаете, что это копия, а не подлинник? – Ну, в данном случае все просто, посмотрите на подпись в правом нижнем углу. Видите, она совсем не похожа на подпись Бабкина.

– А какая должна быть подпись Бабкина?

В галерее никого не было, продавщице было скучно, и она с удовольствием начала объяснять симпатичному молодому человеку, как подписывают разные художники свои картины. Потом подошла к полке с литературой, вытащила довольно потрепанный альбом и показала мне.

– Вот каталог посмертной выставки Бабкина в Амстердаме 1935 года. Здесь можно посмотреть его подпись.

Она пролистала несколько страниц, показала мне картину, копия которой висела в галерее, и фрагмент, на котором в увеличенном виде была представлена подпись Бабкина. Я срисовал подпись и тщательно пролистал весь каталог. Тексты были на немецком языке, да и фотографии черно-белые, но у нескольких портретов какое-то сходство с моей «девушкой», несомненно, было. Я поблагодарил продавщицу и поинтересовался, сколько стоит каталог. Цена была вполне приемлема, и я унес каталог с собой.

Сравнение подписи в каталоге и подписи на картине показало, что они почти идентичны, хотя на картине она была более размашистой, и хвостик последней буквы уходил за пределы полотна. Это еще ничего не доказывало: возможно, подпись подделать еще легче, чем стиль автора. Но все равно ясно – это не хлам. Я аккуратно завернул картину в газету, засунул в чемоданчик и задвинул чемоданчик под кровать.

Начался первый семестр, и мне стало некогда заниматься «бабкиным наследством». Но в первое же воскресенье я наведалься на чердак. Сначала попытался навести там подобие порядка: протер окошко, отчего на чердаке стало значительно светлее, вытащил из угла трехногий стол, подпер его ящиком и приставил единственный сравнительно целый стул. Получилось подобие рабочего кабинета.

Затем приступил к осмотру. Открыл две большие коробки. В них оказались газеты с 1855 по 1917 год. Решил проверить, что хранится в сундуке. Вытащил лежавший на самом верху альбом и раскрыл его, пытаясь найти что-нибудь, относящееся ко времени молодости бабки. Но в альбоме были только фотографии чопорных мужчин в военной и чиновничьей форме, а также дам в длинных платьях и пышных шляпах. На первой же фотографии, которую я вытащил из альбома, стояла дата: 1876 год. Я с досадой закрыл альбом и вытащил пачку писем. На верхнем письме в пачке на штемпеле тоже читалась дата: 1862 год. Письмо было отправлено из Baden-Baden.

Опять не то время.

Наконец в одном из ящиков я обнаружил альбом, в котором перемежались листы с фотографиями и карандашными рисунками. Почти на всех была та же девушка, – в этом не было никаких изменений, тем более что на одном из набросков она была нарисована со склоненным лицом, точно так же как и на картине.

Меня охватил охотничий азарт. Я стал лихорадочно пролистывать другие альбомы и отдельные пачки бумаг. И нашел наконец две сшитые вместе толстые тетради, в которых на первой странице было написано «Дневникъ» и нарисовано сердце. Первая запись была сделана аккуратным крупным почерком и датирована 1910 годом:

«20 июля 1910 г. Сегодня мне исполнилось четырнадцать лет. Я теперь буду записывать в дневник все главные события моей жизни. Иначе как я напишу, когда стану взрослой, книгу о себе, о своей жизни, о подругах. Или, если кто-то будет описывать мою жизнь, он сможет найти здесь все обо мне.

На мои именины пришли все мои подруги из гимназии. Даже Вера Руцкая, которую я не хотела приглашать, так как она за моей спиной часто говорит обо мне что-нибудь плохое. У Веры Руцкой на дне рождения были мальчики из мужской гимназии, но я мальчиков не пригласила, так как они всегда хулиганят и говорят исподтишка нехорошие слова. Было много подарков. Папа подарил мне прелестное платье с высокой талией и прямой юбкой. Я в нем совсем взрослая. А мама глядела на меня и говорила, что она, наверное, теперь старая, так как у нее взрослая дочь. Бабушка сказала, что я теперь почти на выданье.

Фу, какие гадкие слова. Я ни за что не выйду замуж. Буду, как Софья Перовская, бороться за права бедных. Только я не буду убивать царя. Или, как Софья Ковалевская, буду великим ученым».

Я полностью цитирую эту первую страницу, но не сохраняю старую орфографию. Записи до 1914 года были редки, обрывочны и касались семейных и школьных новостей. И только с 1917 по 1921 год торопливые записи, сделанные мелким почерком, появлялись чуть ли не через день. Дальше записи снова стали появляться от случая к случаю. Но главное было то, что я нашел имя и фамилию девушки: Лиза Чемешева. Позднее я узнал многое о ней. Она была из старинного рода касимовских татар, служивших московским и российским государям с XVI века. Род был не очень богат, но в каждом поколении кто-то добирался до вполне приличных должностей. Здесь были и военные, и дипломаты, и адвокаты, и просто служащие многочисленных государевых ведомств.

Все это я узнал позже, роюсь в архивах, доступ к которым получил «по благу», заплатив за это немалыми услугами. А пока выяснил, что в 1919–1921 годах у молодой красивой девушки собиралась по воскресеньям богемная молодежь: поэты, писатели, художники. Каждый приносил что-нибудь для компании. Как ни странно, не гнушались зайти на огонек и представители всяческих органов. То ли по делам службы, то ли привлеченные непринужденной обстановкой. Влиятельные посетители устроили ее куда-то работать машинисткой, и это позволяло жить без чрезмерных трудностей. Дневник почти перестал пополняться с 1924 года и окончательно оборвался последней довольно растерянной записью в 1934 году.

Мне захотелось сохранить архив (я сразу назвал свою находку архивом), было интересно читать письма и записи в дневнике и в альбомах. Я смутно понимал, что это нехорошо, читать чужие письма, чужой дневник, но я не мог лишиться себя такой радости. Да, радости общения с совсем другой жизнью, в которой мне не все было понятно. Долгое время я честно хранил весь этот архив, продавая вначале только конверты с марками. Постепенно обзавелся каталогами и стал известен в филателистических кругах. Накопленные средства помогли начать успешно приобретать «по случаю» и затем перепродавать книги, марки, графические листы и небольшие картины. При этом кое-что интересное я оставлял себе. Учебе в институте и потом в аспирантуре это не мешало.

Мария Федоровна быстро поняла, что чердак будет необходим мне долгое время, и ультимативно потребовала платить десять рублей в месяц. Я платил до тех пор, пока финансы не позволили наконец снять отдельную комнату и перенести в нее весь архив.

Семья, какая уж есть

Но вернемся к поездке в Ленинград, к бывшей жене и ее отцу. Когда я приехал на Ленинградский вокзал, в кассе уже не было билетов в купейный вагон, и я был вынужден взять билет в мягкий. На противоположном диване в купе сидел мужчина немного старше меня, с темными волосами, но с сединой на висках. Он уже успел переодеться в спортивное трико. Костюм был повешен на крюк, пузатый портфель прислонен к стенке. Мужчина улыбнулся мне: явно был рад, что в дороге у него будет попутчик. Потом вежливо приподнялся и представился:

– Геннадий.

Я тоже представился, сменил ботинки на шлепанцы, забросил портфель наверх и вышел в коридор. Поезд тронулся, проводница начала разносить чай, и я вернулся в купе.

– Ну, что? Будем чаевничать или что-нибудь посерьезнее?

Геннадий вытащил из своего портфеля бутылку коньяка.

– Можно немного. Но у меня с собой ничего нет, собирался слишком поспешно.

– Переживем. Зато меня супруга всегда собирает капитально.

Геннадий вынул из портфеля две складные рюмки, пару яблок, лимон и пакетик с бутербродами. Налил в рюмки коньяк до половины. Чай тоже взяли у подошедшей к двери проводницы.

– За знакомство!

Выпили, закусили яблоком и немного помолчали.

– По делам, вероятно, раз так спешно собирались?

– Да нет, так, просто утрясти кое-что с родственниками.

– А я по делам, на таможню. Нужно растаможить писишки.

Геннадий оказался словоохотливым и стал длинно рассказывать, что едет получать несколько персональных компьютеров. Оказывается, он покупал мелкие партии компьютеров и продавал организациям в Москве, Калининe и Рязани. Сожалел, что приходится покупать по три-четыре компьютера, так как в его конторе практически нет оборотных средств. Сказал, что контора состоит из него и жены, выполняющей роль секретаря и делопроизводителя, что он в налогах ничего не понимает, но, слава богу, жена быстро разобралась во всем. А отчеты делает приходящий бухгалтер.

Мне, занятому своими мыслями, было неинтересно слушать, но я из вежливости поддакивал в подходящие моменты. Впрочем, Геннадию не нужен был активный собеседник, ему хватало, что его слушают и не перебивают. Я встрепенулся только тогда, когда Геннадий упомянул, что на каждом компьютере, несмотря на транспортные расходы, «добровольные подарки» на таможне и прочие немногочисленные расходы, он имеет не меньше восьмидесяти процентов прибыли. А налоги удается «оптимизировать» – жену научили. Жалко, что ждать оплату покупателями приходится долго, поэтому закупки удается производить только один раз в два-три месяца, хотя заказов значительно больше. И за этот срок семья расходует почти всю прибыль. В результате оборотные средства не увеличиваются. Если бы удалось привлечь заемные средства, все изменилось бы, но банки не хотят выдавать кредиты мелким фирмам.

Я отметил про себя, что через Виктора Борисовича он смог бы получить кредитную линию для таких операций. Да я и сам мог бы профинансировать расширение деятельности. Но промолчал. Наконец и Геннадий утихомирился. Мы выпили еще по паре рюмок и легли спать. Утром обменялись визитными карточками и пообещали друг другу созвониться как-нибудь в Москве.

Поезд пришел в Ленинград рано, и в квартире Волобуевых все были еще дома. Дверь открыла Галина, в халате и с бигуди, которые сразу начала машинально снимать. Она с удивлением оглядела меня.

– Что это ты собственной персоной и без звонка? Вроде сегодня ни у кого нет дня рождения.

Обычно я передавал деньги с оказией и появлялся в Ленинграде только по дням рождения детей. Я ответил, что, во первых, соскучился по малышам, а во вторых, нужно бы поговорить, посоветоваться: времена пошли какие-то неясные. Галина отступила в сторону, на меня тут же налетела Ксюша, уткнулась лицом, требуя, чтобы я поднял ее и расцеловал. Не замолкая ни на минуту, она одновременно говорила, что любит папу, и спрашивала, что он ей привез. Владимир стоял в стороне, молча разглядывая отца. Он уже большой, осенью пойдет в школу, и вообще, не дело лезть целоваться, как девчонка.

Я раздал детям подарки. Ксюша сразу побежала показывать бабушке пищащую куклу. Володя взял мяч, и даже не пробуя надуть его, ушел с ним в свою комнату. Я поинтересовался, где Петр Афанасьевич. Но старший Волобуев уже вышел в прихожую:

– Что же ты Мишу на пороге держишь?

Он позвал меня в свой кабинет и попросил Галину приготовить что-нибудь перекусить с дороги.

– Ну, что слышно в первопрестольной?

Здесь опять нужно сделать отступление.

Про то, что должен родиться ребенок, мы говорили. Это был Владимир. Но как появилась Оксана, если нас собирались развести сразу же после рождения ребенка? Все было не так просто. Я довольно серьезно отнесся к своим обязанностям будущего отца: то есть появлялся вместе с Галиной на семейных мероприятиях, если там предполагалось присутствие посторонних; пунктуально навещал Галину в роддоме; торжественно вынес из роддома Володю, когда подошло время. Честно говоря, когда прижал маленький сверточек к груди, почувствовал не только растерянность, но и гордость.

Как-то так получилось, что после рождения Володи ни один член семейства не поднял вопрос о том, что пора разводиться. Я считал неудобным заговорить об этом самому. Да и не было необходимости. Мне семья Волобуевых нравилась. Возможно, потому, что она была совсем не похожа на семью моих родителей. Лидия Федоровна была полностью погружена в заботы о маленьком Волике, как она его называла. Она и работу бросила сразу, и с подругами встречалась теперь очень редко: не было ни времени, ни желания. Варвара Игнатьевна вообще втайне надеялась, что все само собой образуется. Как она иногда говорила: «стерпится – слюбится». Она очень надеялась на такой исход. Галина в основном молчала. Сбросила почти все заботы о мальчике на мать и полностью отдалась учебе. Действительно, быть взятой в жены из жалости, только «для покрытия греха»... Что может быть оскорбительнее для самолюбивой, замкнутой девушки?

Петр Афанасьевич инстинктивно тянул время, очень неприятным представлялось ему слушать будущие лживые слова утешения коллег. Кроме того, я, принятый в аспирантуру не без содействия тестя, хотя и не показывал чрезмерного рвения, но спокойно сдавал кандидатские экзамены и начал работу над немного избитой, но, безусловно, проходной темой «Социалистическое соревнование как важный фактор повышения производительности труда. На примере механического завода». К удивлению Петра Афанасьевича, уважаемый член-корреспондент Академии наук Лев Пафнутьевич Коробов однажды спросил, есть ли у него аспирант Рогозин, и намекнул, что он мог бы быть у него первым оппонентом, если это потребуется. Конечно, Петр Афанасьевич не знал, что я уже два года знаком с Коробовым и нахожу иногда старику редкие издания XIX века.

Так все и тянулось бы неопределенно долго, но вмешались случай и Варвара Игнатьевна. К ней на день рождения должны были прийти старые подруги, и она попросила Галину приехать вместе со мной и Володей. Галина задержалась в институте, и мы поехали довольно

поздно. Пока добрались до дачного поселка старых коммунистов, пока выслушали все поздравления и пожелания долгой жизни, на улице совсем стемнело. И Варвара Игнатъевна, естественно, предложила заночевать у нее.

– Дите хочет спать, куда вы его потащите в такую темень?

Галина, не подумав, согласилась. Володю уложили в кровать Варвары Игнатъевны и продолжили отмечать именины. Но когда все приятельницы Варвары Игнатъевны разошлись, вспомнили, что в доме только две кровати. Я предложил постелить мне на диване в гостиной, но Варвара Игнатъевна с присущей ей безапелляционностью заявила Галине:

– Хватит вам комедию ломать. Два года как женаты, ходите вместе, воспитываете ребеночка и все еще отворачиваетесь друг от друга. Пора привыкать жить вместе. Не хотите секса – ваше право, но в одной постели вполне можете лежать.

Галина молча ушла в спальню. Варвара Игнатъевна теперь набросилась на меня:

– А ты что стоишь? Думаешь, жена к тебе сама на поклон придет?

В результате, когда мы вернулись домой, Галина объявила родителям:

– Михаил будет теперь жить у нас.

Это был не вопрос, и ей ничего не сказали в ответ, только Лидия Федоровна перекрестилась. Почти через два года родилась Ксюша, и казалось, что уже ничто не нарушит этот союз, но...

Но было большое «но». Кто-то из знакомых девушек сочувственно доложил Галине, что пока она лежала в роддоме с Ксюшей, Михаил встречался с другой женщиной. На прямой вопрос Галины я вынужден был подтвердить это. Галина знала, что у меня много знакомых, с которыми я постоянно встречаюсь и веду какие-то дела, часто отвечаю односложно и уклончиво на вопрос, где был почти весь день. Но она чувствовала, что это мужские дела и женщинами здесь не пахнет. И она терпела, старалась не задавать ненужных вопросов. Тем более что я приносил домой явно не аспирантскую зарплату. Но это было уже слишком. Она сняла колечко, подала мне и коротко сказала:

– Уходи.

Я развернулся и ушел.

Достаточно успешно прошла моя защита, а потом мы развелись в том же загсе. Петр Афанасьевич злился непонятно на кого, винил себя, хотя и не знал, за что. С ним мы не рассорились, продолжали поддерживать нормальные отношения. В каком-то смысле Петр Афанасьевич даже понимал меня сердцем. И сам был не без греха, и знал, что Галинин характер не сахар, и моя самостоятельность ему нравилась. После развода мы с ним поговорили и решили, что лучше попытаться на время или навсегда разъехаться в разные города. К тому времени мне удалось правдами и неправдами получить постоянную прописку в области (у Волобуевых я не был прописан, как-то не подумали, к счастью), а затем купить у алкоголика комнату в Ленинграде. Как это мне удалось, не хочется рассказывать.

Петр Афанасьевич встретился с Виктором Борисовичем из московского экономического института, который был его старым знакомым по конференциям, семинарам и защитах. На его вопрос Виктор Борисович ответил, что принять на работу кандидата наук младшим научным сотрудником он, вероятно, мог бы, хотя вакантной ставки нет и добиться ее трудно. Но остается вопрос о прописке. Если будет московская или хотя бы областная прописка, он постарается добиться новой ставки. На этом разговор кончился.

Опять были поиски подходящего алкоголика, обмен на комнату в Мытищах. Алкоголик, естественно, никуда не поехал, получил за комнату в Ленинграде большие деньги и перебрался жить к очередной приятельнице.

Виктор Борисович с удивлением увидел, что его просьба о дополнительной ставке вызвала понимание у дирекции. Замдиректора только спросил, для Rogozina это или нет. Оказывается, звонил и рекомендовал молодого кандидата наук сам Лев Пафнунтьевич Коробов.

И вот теперь мы сидим с Петром Афанасьевичем снова за столом в кабинете, и я думаю, что ответить, с чего начать этот разговор.

– В Москве все меняется непрерывно. Сейчас вот много разговоров о новой конторе: комитете по приватизации. Понаехали ваши ленинградцы, будут учить нас жить по-новому.

– Не бывает ничего нового. Это еще Коэлэт сказал.

Будут говорить о новом, а сделают все по-старому.

– Ну, для меня, наверное, начнется что-то новое.

Ухожу из института, перехожу на вольные хлеба.

– Что так?

– Отдел ликвидируют, Виктор Борисович уходит в новый комитет. Меня с собой не может взять.

– Ну и что ты собираешься делать?

– В этом и вопрос. На старом далеко не уедешь, все рушится. Когда еще восстановится. Подожду пару месяцев, осмотрюсь, где можно силы применить. А как у вас в Питере?

– Тоже не сахар. Нас, правда, не ликвидируют, студентов кто-то должен учить. Но с деньгами плохо. На зарплату, не то что на развитие, дополнительных денег не дают. А цены скачут, сам знаешь как. И требуют, чтобы мы обучали студентов по-новому. Мол, они должны уметь работать с персональными компьютерами. А где их возьмешь?

– А деньги дают на компьютеры?

– С трудом, но дают. Но где их взять, у нас их не производят.

– Обожди, с этим я, возможно, смогу помочь, если у вас в институте деньги действительно есть. Я в дороге познакомился с одним типом, он ввозит из Финляндии писишки. Хочешь, я тебя с ним свяжу?

– Можно попробовать. А он надежный человек, не обманет?

– Я его почти не знаю. Но, возможно, я его смогу заинтересовать, чтобы он не пытался хитрить. Я сейчас позвоню его жене и попрошу связаться с тобой.

Я поднял трубку и набрал московский номер Геннадия. Через минуту на той стороне ответил женский голос:

– Да, я слушаю.

– Говорит Михаил, мы вчера познакомились с Геной в поезде. Если он будет звонить, попросите его позвонить в Ленинград Петру Афанасьевичу Волобуеву. Запишите телефон... Возможно, будет заказ на несколько компьютеров. Возможно, будет также интересное сотрудничество на перспективу. А я потом свяжусь с Геннадием в Москве.

– Хорошо, обязательно скажу, он должен сегодня вечером звонить.

– Спасибо, заранее. До свидания.

Я снова повернулся к Петру Афанасьевичу.

– Посмотрим, что он предложит. Но ты обязательно четко скажи ему, что твой интерес должен быть не менее пяти процентов.

– Миша, о чем ты говоришь?

– Да, Петр Афанасьевич, привыкай. Это не твоя работа, это хозяйственники должны делать, так что у тебя есть право получать вознаграждение за работу. Я созвонюсь с ним в Москве и поговорю серьезно, чтобы потом не было проблем. Не знаю, когда снова буду в Питере. Привез Галине деньги, пусть не меняет сразу все доллары на рубли. Инфляция продолжится еще очень долго.

Пойду, попрощаюсь с ней, пока она не ушла на работу.

Я понял, что с Петром Афанасьевичем уже бесполезно советоваться, он в растерянности перед этой жизнью, которая меняется слишком быстро и не оставляет времени на ее осмысление. Галину я нашел на кухне и передал ей деньги.

– Извини, я не скоро смогу приехать, поэтому здесь деньги на несколько месяцев. Но как только у меня будет возможность, я приеду.

– А на день рождения Ксюшин приедешь? Что мне ей говорить?

– Ой, совсем забыл, конечно, постараюсь приехать.

Как у малышей со здоровьем?

– Как будто тебя это интересует.

– Зря ты так говоришь, конечно, интересует. Только времени совсем нет. Времена пошли не сладкие, кручусь, как белка в колесе.

– Ты всегда крутишься.

В ее голосе чувствовалось закипающее раздражение. – Да ладно тебе. Дети где?

– Бабушка повела в детский сад.

– Ладно, поцелуй их за меня и скажи, что папа их очень любит.

Я развернулся, взял свой портфель и пошел к двери. Галина смотрела мне в спину, и я чувствовал, что глаза у нее совершенно сухие.

Все, делать больше в Ленинграде нечего. Теперь на вокзал.

На перепутье

На следующий день я появился в институте. Была пятница, и Клавдия Петровна очень удивилась, увидев меня, даже встала со стула.

– Что случилось, Михаил Юрьевич?

– Все нормально, просто я что-то устал, и попрошусь в отпуск. Не знаете, Виктор Борисович у себя?

– Нет, Михаил Юрьевич, он уже вместе с Милой Сергеевной перешел на новую работу.

– Ясно. Я пошел в отдел кадров, писать заявление на отпуск.

В отделе кадров единственная оставшаяся сотрудница (завотделом ушел на пенсию) к заявлению отнеслась с пониманием и сказала, что сейчас же отнесет прямо к заместителю директора без дополнительных виз и, как только заявление подпишут, позвонит в отдел. Сотрудница всегда хорошо относилась ко мне, так как я не забывал перед праздниками забежать: поздравить и принести небольшой сувенир.

Я прошел в свой кабинетик и сел, задумавшись, за стол. Собственно, мысли крутились уже более суток вокруг одного и того же. Нужно начинать свой бизнес. Но какой бизнес? И какой для этого нужен капитал? И как его сформировать? Некоторый запас долларов у меня имелся, не зря же я последний год более осторожно подходил к новым покупкам. Но этого мало, нужно срочно увеличить свои возможности. Путь только один: нужно продавать даже то, что хотелось бы оставить себе.

Приняв решение, стал обзванивать знакомых дилеров. Филателисты отвечали скупой: сильный застой. Правда, на марки германских княжеств до 1871 года спрос имелся. Кто-то активно вывозил интересный материал в Германию. Придется порыться в запасах. Порадовал один из дилеров, занимающихся графикой. У него появился новый клиент с большими деньгами, «хватаящий все подряд». Он уже сдал ему все свои запасы и не прочь был пополнить их. Это радовало. Я не хотел пока трогать ничего из живописи и тем более из архива Лизы.

Через час позвонила сотрудница отдела кадров и подтвердила, что отпуск подписан начиная с понедельника. Хорошо, значит месяц у меня в запасе на размышления. Вечером дома я начал разборку имеющихся запасов марок Германии до 1871 года и просмотр конвертов из архива Лизы. Это была трудоемкая работа: после изъятия письма необходимо перенести все надписи с конверта, включая даты и места отправки и получения письма, на новый чистый конверт и вложить в него само письмо. К продаже предназначались только конверты. Наиболее интересные из них, особенно с датами до 1860 года, я возвращал в коробку. С графикой, купленной по случаю, все было проще. На каждом листе на обратной стороне были написаны цены в рублях и даты оценки. Нужно было только учесть время, пересчитать в доллары и добавить двадцать процентов. Конечно, это тоже проблема, так как даты варьировались от 1983 до 1991 годов. Но точность не очень волновала меня – я предполагал, что сделка будет оптовая, и все равно придется делать большую скидку. Сумма вроде получилась приличная, но все же смешная. С такими деньгами нечего мечтать о начале нового бизнеса. Но не беда. Во-первых, имеется уже некоторый запас денег; во-вторых, это только начало дешевых распродаж.

Всю следующую неделю я непрерывно работал, обзванивая дилеров и коллекционеров; встречаясь с разными людьми по несколько раз в день. Ожидал сообщений от Милы Сергеевны, но она почему-то молчала. Звонить домой Виктору Борисовичу не хотелось – видимо, ему нечего пока сказать, раз не попросил Милу связаться со мной. Наконец в пятницу утром я позвонил Вениамину и предложил встретиться вечером. Он пригласил посидеть у него в Перловке в субботу.

Опять придется делать отступление, чтобы пояснить наше знакомство с Веней.

Вениамин Семенович Гринер познакомился с Виктором Борисовичем Петровым в 1989 году. Он тогда работал в экономическом институте, сделал работу по имитационному моделированию торговых предприятий и получил интересный результат. К тому же начал успешно делать для предприятий прогнозы развития их финансового положения в меняющихся условиях хозяйственной практики. Директор его института упомянул об этом в разговоре с Виктором Борисовичем, и тот, как всегда, заинтересовался новым подходом.

Подход был не так уж нов, в семидесятых годах было много диссертаций на тему моделирования предприятий, но позднее все заглохло, так как практического интереса эти работы тогда не представляли. Кто умел – переключился на моделирование развития отраслей. Тема, вполне годящаяся для диссертаций, но тоже не находящая реального выхода по вполне понятным причинам. И вдруг кого-то интересует моделирование, кто-то готов платить деньги. Директор института дал телефон лаборатории Вениамина, Виктор Борисович позвонил ему и предложил сделать доклад на семинаре в нашем отделе.

Обычно семинар в отделе, если его не ведет блестящий академик, довольно скучное мероприятие. Один-два научных сотрудника слушают и понимают, о чем идет речь; двое-трое сотрудников делают вид, что им интересно; а две-три девушки заботятся только о том, как они одеты и как выглядят. Веня рассказывал о результатах моделирования, о тех катастрофических изменениях, которые ожидают предприятия торговли в условиях утвержденной системы налогообложения, если ее не менять кардинальным образом. Его слушали, но интересно было только Виктору Борисовичу. Он спросил:

– Можно ли это программное обеспечение применить и к предприятиям среднего машиностроения? В крайнем случае, можете ли вы или ваша лаборатория адаптировать программу для условий таких предприятий?

Веня его разочаровал:

– Программа учитывает особенности только торговых предприятий. Для программ моделирования важны мельчайшие детали хозяйственного механизма. Ведь черт кроется именно в деталях. А допуска у меня никогда в жизни не было, так что о деталях, присущих предприятиям среднего машиностроения мне и мечтать нельзя. Кроме того, я собираюсь переходить в коммерческую организацию.

Было еще несколько вопросов. Одну девицу заинтересовало:

– А как может машина предсказать будущее? Ведь она машина, у нее нет сознания.

Хихикнул только один из слушателей. Это был я. Ясно, она просто ничего не слушала. На полном серьезе Веня пустился в объяснения:

– Хотя модель вероятностная, но каждый вариант она просчитывает по жесткому алгоритму. Так что для нее нет необходимости иметь сознание.

После семинара Виктор Борисович пригласил нас с Вениамином Семеновичем к себе в кабинет и завел разговор о весьма заметном уже пагубном влиянии начинающейся инфляции на состояние финансов предприятий. Но сделать, по-видимому, ничего нельзя. Правительство отчаянно нуждается в деньгах, минфин ни при каких условиях не пойдет на изменение системы налогообложения, если это скажется на поступлении доходов государству. Не исключено, что это осознанная политика доведения предприятий до банкротства, чтобы обеспечить моральную поддержку переходу на новые условия хозяйствования.

На этом мы все втроем и согласились. Виктор Борисович сказал, что секретарь будет приглашать Вениамина Семеновича на семинары и он будет рад, если тот найдет время посетить их.

Вообще-то, я видел и раньше Вениамина на встречах коллекционеров в Москве, при моих редких заездах туда, но не был с ним знаком. Возможно, он тоже помнил меня, так как, уходя с семинара, сказал:

– Не ожидал вас здесь встретить. Какими судьбами к нам из Питера?

– Я перебрался в Подмоскowie и работаю теперь здесь. Мы обменялись телефонами, предположив, что придется еще встречаться. Так оно и вышло. Правда, как ни странно, по большей части встречи происходили не в обществах коллекционеров, а у него в Перловке, и особенно часто в 1994–1996 годах. Но об этом отдельно. Вениамин был на двадцать два года старше меня, что нам совсем не мешало.

И вот, август 1992 года, я сижу у него на веранде, на улице жарко, но здесь немного продувает ветерок из открытого окна. На столе чай, варенье, домашнее печенье. Супруга любит гостей, а ко мне проявляет искреннюю симпатию. Я всегда помню дни рождения всех знакомых дам, не забываю при встрече вручить хотя бы малюсенький презент, хотя бы один цветочек. И соответственно, ко мне хорошо относятся все дамы, особенно среднего и старшего возраста.

Выпили чай, обсудили погоду, последние фокусы Ельцина и перешли к основной цели встречи. Я рассказал, что ухожу из института и пока не знаю, чем заняться. Снова идти работать к кому-то не хочется. Хочется проверить себя как независимого бизнесмена. Рассказал о возможности встроиться в прибыльный бизнес с компьютерами, еще об одном предложении войти в организуемую фирмочку по производству чего-то суперсовременного. Он слушал и смотрел на меня, наверное, сравнивая с собой, со своей неспособностью к самостоятельному бизнесу. Но я ждал от него совета, какого-то толчка, и ему это было странно видеть. Он знал меня как уверенного парня, всегда знающего, что хочу, и умеющего этого добиваться. Вениамин пытался мысленно поставить себя на мое место, но ничего не получалось. Мы были слишком разные.

– Не нужно тебе, Миша, входить с кем-то в компанию. Ты индивидуалист. Ты не сможешь подчиниться групповым интересам и, со своей стороны, не сможешь давить чужое мнение, заставляя подчиняться тебе. А в коллективе не бывает равноправных людей, особенно в бизнесе. Или ты хозяин, или ты служишь, ну, в крайнем случае, являешься уважаемым советником, которого слушают, но делают по-своему.

– И что ты предлагаешь?

– А что я могу предложить? Ты не генератор идей, ты не сможешь предложить идею производства нужного продукта, материального или какого-то другого. И что остается? Я думаю, финансы. Это наиболее близко тебе. Все-таки какой-никакой, а ты экономист, работаешь уже несколько лет с серьезным специалистом. Решения по приватизации практически приняты: будут приватизационные чеки. Сейчас в стране будет финансовая вакханалия. Дикая нехватка денег у предприятий и в то же время обилие денег при полном отсутствии контроля над финансовыми потоками. Миллионы людей получают в свое распоряжение ваучеры, небольшие суммы денег, и не будут знать, как правильно их использовать. Представляешь? Даже десять тысяч рублей, умноженные на сто сорок миллионов будущих владельцев ваучеров, дают более триллиона рублей. Реально, приватизационный чек должен стоить значительно больше, чем десять тысяч рублей. Кроме того, создаются новые финансовые структуры, и цены на их бумаги, безусловно, будут весьма волатильны. И если ты научишься плавать в этой мутной водичке, ты будешь на коне. Нужны только крепкие нервы, голова и начальный капитал. Все это, по-моему, у тебя имеется.

На следующей неделе я созвонился, наконец, с Виктором Борисовичем и поведал о нашем разговоре. Оказывается, Вениамин с ним тоже встречался и рассказал, что знал о взаимоотношениях руководителей комитета. К тому времени контора «Р и К», в которой он работал заместителем директора, уже длительное время контактировала с комитетом. Был организован «Центр приватизации», и они активно участвовали как в оформлении приватизационных документов крупнейших предприятий, так и в обсуждении основополагающих документов приватизации. Виктор Борисович сказал мне по телефону:

– Я не чувствую, что именно хочет получить от меня начальство, да оно и само еще этого не знает. Вероятно, пока требуется только обеспечить мониторинг финансовой ситуации в стране и поддерживать контакт на экспертном уровне с центральным банком и минфином. Давайте встретимся втроем у меня дома, отметим переход на новую работу и обсудим совместно ситуацию.

Встреча состоялась, как обычно в этом доме, не только приятная, но и полезная. «Старшие товарищи» заверили меня, что всегда поделится интересной информацией, а главное для меня сейчас – накопление свободного капитала.

К тому времени я и сам принял аналогичное решение, просто хотел проверить себя. На всякий случай созвонился с Геннадием и Петром Афанасьевичем и выяснил, что сделка с компьютерами действительно состоялась. Оказалось, что давить на Геннадия не нужно. Петр Афанасьевич в замешательстве подтвердил, что все в порядке и свои пять процентов он получает. Потребность в компьютерах была не только у него, и он начал «доставать» их своим многочисленным знакомым. Геннадий поблагодарил меня за дополнительную возможность расширения бизнеса и возможность не возить технику далеко.

А я начал еще более активно реализовывать все, что могло быть продано, порой не обращая внимание на убытки такой реализации. Не трогал я только оставшуюся у меня часть архива Лизы. Временами я и сам не мог понять свое почти сакральное отношение к архиву. Я старался никогда не упоминать о нем; папки, картотеку архива и портрет Лизы держал в съемной комнате в Малом Кисельном переулке. Два года назад я снял небольшую квартиру на Преображенке, но ни архив, ни портрет туда не перевез, разве что пару раз возил портрет показать кому-нибудь. Веня как-то удивился:

– Зачем тебе три жилища?

– В Мытицах я прописан, но сдаю комнату; комната в Малом Кисельном переулке мне по-прежнему нужна для работы с коллекционным материалом; на Преображенке живу, принимаю гостей. Так мне удобно: не нужно путать разные стороны жизни.

Cherchez la femme

Действительно, как и в Ленинграде, я не отказывался тогда от «маленьких радостей жизни». Но на Преображенке женщины у меня бывали чаще. Обычно это были крупные женщины с полными плечами и широким тазом.

Возможно, это было связано с моим первым сексуальным опытом. В школьные годы летом я обычно не меньше месяца проводил у бабушки в Троянове. Троянов – небольшой поселок (когда-то еврейское местечко) на речке Гнилопять на юг от Житомира. Гнилопять – маленькая речка, в зависимости от времени года шириной от пяти до пятнадцати метров, но около Троянова она разливается из-за запруды до тридцати-сорока метров.

После войны Роза Исааковна Рогозина вернулась из эвакуации в Троянов. Долго спорила в сельсовете и в райисполкоме, грозилась, что дойдет не только до Киева, но и до Москвы, и добилась, что ей как вдове погибшего старшего лейтенанта Максима Рогозина вернули ее дом, в котором с 1941 года жила другая семья. Бабушкины огороды спускаются практически до реки, а на противоположной стороне небольшая рощица, за которой прячется одинокий домик, тоже когда-то окруженный огородами. Я любил переплывать речку (правда ее можно было просто перейти вброд или по мосту) и лежать на песке перед рощицей.

Это произошло в летние каникулы после девятого класса. Вечером перед закатом я перебрался на другую сторону речки, чтобы погреться в лучах заходящего солнца. В домике обычно никто не жил, но в этот раз я увидел на лужайке перед домиком женщину, которая загорала на одеяле в открытом купальнике. Тоже, поди, приехала из города в семейную хату на летний отдых. Я подкрался поближе и во все глаза уставился из-за кустов на незнакомку. Так продолжалось два дня: вечером я перебирался на другой берег и разглядывал эту крупную, статную женщину. Она, конечно, заметила меня, но позволяла смотреть на себя, совершенно не смущаясь. Наконец, однажды она мне сказала:

– Ну и что ты пялишься на меня? Женщину, что ли, не видел?

Я хотел убежать, но она остановила:

– Да иди ты сюда, вылезай из кустов, расскажи что-нибудь. Скучища здесь у вас. Не бойся, не съем тебя.

– Я не боюсь.

Я встал в полный рост, перелез через низкий тын и остановился около одеяла.

– Тебя как зовут?

– Мишка.

– Ты здесь живешь?

– Нет, мы живем в городе, в Житомире.

– Да, конечно, центр цивилизации. Да садись ты рядом, не загораживай солнце. А меня зовут Соня, Соня Тимофеевна, я из Киева.

Соне, наверное, было смешно смотреть на растерянного парнишку, на его раскрасневшееся лицо.

Я присел на краешек одеяла и молчал, немного отвернувшись, чтобы не видеть эти полные белые плечи, широкие бедра, выпирающие из купальника, и все остальное.

– И в каком ты классе учишься, в восьмом?

– Нет, я уже в десятом.

– Ну, совсем большой, наверное, уже пятнадцать лет тебе?

– Нет, семнадцать, – соврал я и еще больше покраснел. – А что у вас тут вечерами бывает, какие развлечения? – В субботу вечером кино показывают, но сплошное старье, неинтересно.

– Да, скучно здесь. Ладно, мне пора ужин готовить. Приходи завтра, поболтаем, только расскажи что-нибудь интересное.

Я сорвался с места, крикнул на ходу «пока», перепрыгнул через тын и с размаху бросился в воду, хотя лучше бы было перейти речку вброд.

На следующий день с трудом дождался вечера, перешел речку по мосту и подошел к домику Сони с другой стороны. Но во дворе не было ни одеяла, ни Сони. Я потихоньку прошел через калитку и заглянул в раскрытое окно. Соня в махровом халате сидела за столом и что-то писала. Я тихо постучал по подоконнику. Соня встала и подошла к окну.

– А, это ты, Мишка. Что стучишь? Заходи. Рассказ о вашей деревушке приготовил? Я тут сижу, пытаюсь набросать хоть что-нибудь, но что о вашем Троянове или о Гнилопяти можно написать?

Она наклонилась над подоконником, и меня бросило в жар от близости видневшейся из-под халата полной груди. Я пытался что-то сказать, но в голову ничего не приходило. Соня рассмеялась и выпрямилась.

– Опять глазеешь, да заходи ты.

Я зашел и сел за стол, стараясь не глядеть на Соню, которая разгуливала по комнате и говорила о том, что должна написать очерк в газету о сельском труде. Ходила на свиноферму, на овощные поля, но ничего примечательного не видит. Серость и унылость. Если писать так, как оно есть, то в газете это не одобрят, а выдумывать красивую сказку душа не позволяет. Она вдруг обратила внимание на мою съежившуюся фигуру, на поникшие плечи, рассмеялась, подошла сзади и прижала мою голову к своей груди.

– Что ж ты такой растерянный, такой молчаливый? Никогда с взрослыми женщинами не разговаривал?

Она повернула мою голову к себе, так что теперь в ее грудь уткнулся мой нос. У меня голова пошла кругом. Дальнейшее я практически не помнил. Очнулся от того, что Соня гладила меня по голове и шептала:

– Да не переживай ты, всегда у мальчишек так бывает в первый раз. В следующий раз у тебя будет все хорошо.

От стыда я не мог смотреть на нее, вскочил с постели, схватил брюки и рубашку и, пытаясь попасть одной ногой в штанину, выскочил из избы. Перепрыгнул через тын к реке и бросился на землю в кустах. Домой пришел только через час. Но на следующий вечер с понурой головой снова стучал в окно Сониной избы. А потом были два дня счастья. Но на третий день Соня не пустила в дом и коротко сказала:

– Иди домой. Я завтра уезжаю.

– Почему? Я что-то не так сделал?

– Нет, ты здесь ни при чем. Но твоя бабушка сказала, что если я еще раз «трону ребенка», она меня прилюдно опозорит и заявит в милицию.

Я ярко представил себе, как разъяренная бабушка рвет волосы на голове Сони. Ее неукротимый характер был мне хорошо известен. И в этот, и на следующий день я не знал, куда прятать глаза от нее, и через два дня уехал с попутной машиной в Житомир.

Вероятно, этот опыт оказал большое воздействие на мою психику. Глядя на симпатичную крупную женщину, я инстинктивно хотел снова ощутить тот восторг, тот удар адреналина, который испытывал в те жаркие июльские вечера. Но возможно, это просто реакция невысокого худощавого мужчины на крупных женщин. Никто не может указать точно причину, однако я попадал из-за этого неоднократно в невеселые ситуации. Так было и с той медсестрой, которую увидел в палате, где лежала Галина с Ксюшей. Я не смог удержаться, быстро завел знакомство, и, как всегда, медсестра не смогла противостоять моим ненавязчивым ухаживаниям, честным глазам, неотступно и влюбленно глядящим на нее. И что в результате? Очередное разочарование и развод с Галиной.

И это повторялось в моей жизни неоднократно: увлечение, разочарование и расставание; хорошо еще, если только с материальными потерями.

Впрочем, я опять отвлекся.

Весь август и сентябрь я занимался реализацией своих запасов. К удивлению, хорошо пошли газеты. В стране почти не осталось старых газет. И состоятельные «новые русские» охотно приобретали газеты царского времени, чтобы посмеяться над незатейливым содержанием и странными объявлениями.

В октябре, после того как были напечатаны приватизационные чеки, снова встретились у Виктора Борисовича обменяться мнениями. Говорили в основном Виктор Борисович и Веня.

– Ваучеры будут со временем оцениваться в зависимости от политической ситуации в пределах от двадцати до сорока тысяч рублей. Ведь инфляция притихла, но не остановилась.

– В первые месяцы возможны сильные падения цены, так как чековые аукционы совершенно не подготовлены. Чековые фонды практически еще не организованы – не хватает специалистов. Население не будет знать, что делать с этими красивыми бумажками. Тебе следует приобретать их в пределах от пяти до десяти тысяч рублей.

Я спросил:

– Почему вы только советуете, но сами не собираетесь использовать ситуацию?

Виктор Борисович ответил:

– Я уже стар, да и положение не позволяет. Но главное, нет таких денег, чтобы серьезно тратить на это время.

А Веня сказал, что планирует скоро переезжать в Израиль, работа же с чеками – долгосрочная акция.

Я, наверное, замучил вас многочисленными отступлениями, но без объяснений невозможно понять, почему в моих делах принимали такое деятельное участие Виктор Борисович и Вениамин. Зачем тратили свое время.

Виктор Борисович с самого начала отнесся к моему появлению в институте с легким раздражением. Диссертация (а Виктор Борисович сразу же взял в библиотеке реферат моей диссертации) была не то что бы слабая, но просто неинтересная. И появление в институте было странным – типичный позвоночник с неясными связями. Да и проявлял я, даже в первое время, не слишком большое рвение в работах отдела. На семинарах в основном молчал, отделяясь короткими репликами, когда Виктор Борисович интересовался моим мнением. Кроме того, меня явно не тяготила мизерная ставка младшего научного сотрудника со степенью.

Чтобы поближе познакомиться со своим сотрудником, Виктор Борисович пригласил меня к себе домой на день рождения жены. И здесь раскрылись некоторые мои таланты. Гостей в маленькой прихожей встречала сама именинница. Свободный жакет цвета лимонной цедры над еще более светлой юбкой прекрасно гармонировал со стройной фигурой и свободно спускающимися на плечи прядями каштановых волос. Чувствовалось, что Вера Ивановна не боится показаться молодящейся. Она действительно ощущает себя молодой. В этот зимний вечер я пришел с небольшим букетом роз. Это не была охапка ярких роз, это были девять роз редкого голубого оттенка. То, что Вера Ивановна понимает язык цветов, я узнал от Милы Сергеевны, расположение которой завоевал с первых же дней работы в отделе. У голубых роз несколько значений: загадочность, изысканность, привязанность и восхищение. Но девять голубых роз – символ чувства глубокого уважения и предложения дружбы. Вера Ивановна была польщена вниманием и тонкостью чувств молодого сотрудника. Цветы она поставила в высокую хрустальную вазу и перенесла в гостиную. Я заметил, что время от времени она с удовольствием смотрит на них. После цветов был преподнесен небольшой сверточек книг: Бодлер, Малларме, Манделштам. Книги тоже были восприняты с благодарностью, тем более что в ее библиотеке не было ни Бодлера, ни Малларме.

Собрались гости, произносили тосты за именинницу, ее мужа. Мне опять удалось порадовать гостей не очень длинным тостом, содержащим комплименты не только внешнему виду виновницы торжества, но и элегантности ее наряда, в котором чувствовался даже некоторый элемент вызова. Потом коллеги Виктора Борисовича начали обсуждать за столом ситуацию в Закавказье, а Вера Ивановна повела меня, Милу Сергеевну и присоединившуюся к нам даму весьма почтенного возраста в кабинет посмотреть библиотеку.

Вера Ивановна лет на семь моложе Виктора Борисовича, но выглядит еще моложе. Профессорской зарплаты мужа вполне хватает бездетной семье, и Вера Ивановна уже более десяти лет нигде не работает, посвящая свой досуг заботам о доме и о Викторе Борисовиче. Одновременно старается быть в курсе всех литературных и художественных новинок. Само собой, что своим внешним видом она тоже занимается активно.

Я внимательно изучил, что имеется в небольшой, но тщательно подобранной библиотеке хозяйки, предполагая впоследствии находить для нее интересные книги. И это действительно сказалось на развитии наших дружеских отношений. Вера Ивановна даже взяла надо мной в некотором роде шефство, пытаясь ввести в свой светский круг и познакомить с очаровательными девушками, в основном аспирантками приятелей мужа. С девушками у нее ничего не вышло, так как я предпочитаю утром просыпаться в одиночестве, да и опасаясь серьезных отношений. А аспирантки сразу же пытаются «застолбить» за собой место в жизни состоявшихся кандидатов наук. Но с некоторыми из ее приятельниц у нас позднее были весьма интересные встречи в моей квартирке на Преображенке.

Два слова о Миле Сергеевне. Мила училась в институте вместе с Верой Ивановной, и жила с ней в одной комнате в общежитии. Славная, хорошо образованная девушка. Странно, но жизнь у нее как-то не сложилась, возможно, она была слишком мягкой, легко пасующей перед возникшими проблемами. Парень, который ей нравился, женился на другой. Она долго переживала, и с работой у нее не клеилось, пока Вера Ивановна не устроила ее в секретари к мужу, который был тогда еще довольно молодым заведующим сектором. Сначала в этом был тонкий замысел: оградить мужа от хищниц-секретарш. Вскоре Вера Ивановна поняла, что мужу-трудоголику не до женских чар, но к этому времени Виктор Борисович привык к Миле, и она так и осталась при нем. В каком-то смысле Мила жила интересами этой семьи, став почти родственницей.

А в семье этой все было складно, разве что скучала откровенно Вера Ивановна в компании приятелей мужа. Ох уж эти вечные разговоры специалистов: о стремительном нарастании внешнего долга страны; о грызне в Верховном Совете и противоречивых сигналах, исходящих из него; о шатаниях позиции Ельцина и болтологии Горбачева. Как может экономика развиваться в таких условиях? Все это, конечно, было глубоко чуждо Вере Ивановне. И вдруг, появляется молодой человек, пусть на четырнадцать лет младше, но имеющий такие же интересы и не жалеющий время на беседы и совместные посещения выставок и театральных постановок. Виктор Борисович, вероятно, был благодарен мне за столь почтительное отношение к его супруге, и старался со своей стороны проявлять ко мне благосклонность.

Ну а Вениамин Семенович Гринер? Тоже был заинтересован в чем-то? Не знаю в чем, однако ему было приятно мое внимание к его рассказам, ведь поговорить и дать совет он любил. А я умел слушать. Кроме того, мы с удивлением обнаружили некоторые совпадения в наших биографиях. Предки из одного маленького местечка – это уже что-то необыкновенное. Житомир, в котором Веня прожил несколько детских лет, а я все детство. Я знал все улицы, с которыми у него были связаны детские воспоминания. Он жил на углу улиц Котовского и Московской, это же несколько кварталов от моего дома. Правда, почти за десяток лет до моего рождения, но все равно, удивительно. Ну и, конечно, наше увлечение коллекционированием.

Это легко, если смотришь со стороны

В декабре 1992 года, почти сразу же после раздачи приватизационных чеков, началась негласная, а потом и вполне официальная торговля чеками. Действительно, цена быстро упала к маю 1993 года с десяти тысяч рублей до четырех тысяч, до цены двух бутылок водки. А в некоторых деревнях до цены одной бутылки. И это вполне естественно, простой человек, получивший на семью, например, четыре чека, не знал, что с ними делать. Их просто некуда было девать. Чековые аукционы еще не подготовлены: нет полного комплекта документации, идет перетягивание каната (кто главнее) между комитетами приватизации и фондами приватизации, заводы протестуют и оттягивают аукционы. В общем, нормальный бардак. Потенциальные восемь бутылок водки жгут руки, но продать их некому, особенно в мелких городах и селах. Честно говоря, многие не верили, что вся эта затея удастся: предполагали, что победит в борьбе за власть Верховный Совет, а в нем противников приватизации было достаточно много.

Серьезно я начал заниматься приватизационными чеками после того как открылась официальная торговая площадка. Реально это был большой зал, в котором множество людей переходили с места на место, пытаюсь купить или продать небольшую пачку чеков. Если кто-то видел в кино работу американских бирж тридцатых годов, он может представить себе этот процесс. Правда, все обходится без выкриков, все стараются скрыть цены сделок.

Процесс многослойный. Самый низ: плотва – приехавшие из глубинки люди, пытающиеся продать скупленные или выменянные на бутылки водки несколько чеков. Они теряются в этой круговерти, силясь понять, почему цены такие разные, такие маленькие, и в конце концов сдаются мелким хищникам – окунькам, шныряющим вокруг и бесцеремонно предлагающим смешные цены. Окуньки – самые многочисленные представители этой пищевой цепочки. Их желание простое: скорее купить десяток чеков и быстренько сдать их щукам, получив свою долю на пропитание. У них нет возможности задержать чеки, дожидаться хорошего заказа. Им нужно скорее вернуть свои деньги, чтобы не прогадать при возможном уменьшении цены. А цены меняются непрерывно. Все зависит от последнего слуха, последних статей в газетах, от наличия или отсутствия серьезных заказов. Щуки не бегают. Они спокойно стоят в одних и тех же местах; окуньки знают их всех и обегают, пытаюсь получить хотя бы чуть больше. Щуки знают главное: имеются ли заказы и какие они. Вернее, они не знают заказы, но они знают, что и почем принимают сегодня акулы. Сегодня это любые чеки, но завтра могут быть только московские или подмосковные. Сегодня берут много и не жмутся в цене, завтра берут выборочно, жестко торгуются и временами вообще отказываются брать что-либо. Но своего сидячего места щуки не покидают. Они должны держать руку на пульсе всего процесса. Они ждут сигнала от крупных заказчиков на большие партии приватизационных чеков. Заказчики – фонды, организованные администрациями крупных предприятий, банками, крупными бизнесменами для участия в чековых аукционах.

Важными поставщиками приватизационных чеков являются чековые фонды. Для некоторых продажа аккумулированных у населения чеков – единственный способ получить деньги для выдачи зарплаты и оплаты помещения. В то же время управляющие чековых фондов быстро разобрались в ситуации и ведут самостоятельную игру на рынке, приобретая и продавая чеки. Естественно, что при этом используются в личных целях финансовые возможности чековых фондов.

Ни к одной из этих групп я не принадлежал, так как вел игру на собственные средства. К тому времени вместе с обязательствами дилеров, распродающих мои запасы, у меня набралось около пятидесяти тысяч долларов. Все свободные средства я переводил в доллары, не доверяя быстро обесценивающемуся рублю. У меня был постоянный приток денег в рублях и

долларах от дилеров, что позволяло при каждом снижении цен на чеки приобретать довольно значительное их количество.

И наконец начались чековые аукционы. Сначала неинтересные аукционы по мелким предприятиям, но уже через полгода на них начали выставлять более серьезные объекты. Мы неоднократно обсуждали с Вениамином мою тактику, и она, в конце концов, сформировалась окончательно. Не распыляться; не покупать доли в предприятиях обрабатывающей промышленности: они не скоро станут на ноги; покупать только то, что безусловно занижено из-за дурацких правил оценки предприятия, и в первую очередь покупать акции предприятий, связанных с нефтью и газом. Можно было бы покупать акции портов, но там слишком велика опасность попасть под жернова борьбы больших игроков.

При каждой возможности я участвовал в наиболее интересных аукционах. На аукционе Газпрома я выложил очень большое количество чеков, и весьма удачно, так как числился жителем Подмоскovie, а там количество акций за один чек было в пять раз больше, чем для жителей Москвы. И это было легко предвидеть. Впоследствии, когда продажу этих акций разрешили для граждан всей России, рынок наводнили акции, полученные сибиряками за бесценок и тут же поспешно проданные. Грех было не воспользоваться. Однако я не мог позволить себе вкладывать все деньги, тратил лишь половину из текущих наличных средств (кстати, иногда и на аукционах нефтяных компаний). Продажа акций Газпрома иностранцам долгое время была запрещена, что и понятно: иначе бы цены взлетели и «нужные люди» не смогли бы скупать эти акции по дешевке. Действительно, сумасшедший рост цен начался только в 1997 году, после вывода на внешний рынок так называемых лондонских глобальных депозитарных расписок.

Потом подошло время «мыльных пузырей». Непрерывно возникали финансовые компании, работающие по принципу пирамиды, которые обещали огромные проценты вкладчикам за счет предполагаемого роста стоимости их ценных бумаг. За два-три месяца они успевали раздуться до гигантских размеров и скоропостижно лопались, когда иссякал поток новых вкладчиков. Первые две такие компании я пропустил, но потом участвовал во всех следующих, аккуратно изымая деньги ровно через два месяца после начала безудержной рекламной компании по телевизору. Иногда я не успевал дойти до точки максимальных цен, ликвидируя свое участие слишком рано, зато ни разу не пострадал при неминуемых взрывах этих компаний.

Однако настоящий ажиотаж начался с появления билетов МММ. Здесь оперирование билетами и деньгами было идеально простым. Просто покупаешь, просто продаешь. Практически как с приватизационными чеками. Но вариант использования билета только один: продать. В первое время вариации цен были незначительные, небольшой тренд роста. Но потом скорость изменения цены увеличилась; стало интересно вкладывать в МММ солидные (для меня) деньги. Я не застал самого начала, но успел приобрести билеты на очень большую сумму. Вложил почти все свободные деньги и через два месяца начал уже подумывать о продаже. Раза два в неделю я позванивал Миле Сергеевне, чтобы узнать новости. В очередной раз она сказала, что срочно просил позвонить Виктор Борисович. Это было в середине июля 1994 года. Мы сразу же договорились о встрече в обеденный перерыв. Встретились на ходу, и он сообщил, что МММ продержится не более десяти дней. Решение принято на самом верху. Виктору Борисовичу я верил, хотя считал, что выходить из игры рановато.

Продать такое количество билетов было не просто. Не хотелось суетиться возле офиса МММ и не хотелось передавать билеты на реализацию нескольким дилерам, они почувствовали бы что-то неладное. Я обратился в один из крупных частных фондов и предложил там купить всю партию моих билетов со скидкой в десять процентов, объясняя намерением выйти из игры и уехать за рубеж. Сделка состоялась, я получил чуть больше двухсот тысяч долларов и решил на всякий случай уехать в Житомир. Потом мне рассказали, что мой покупатель вскоре поручил своим людям найти меня, обоснованно полагая, что я сознательно «кинул» его, обладая инсайдерской информацией.

По моим расчетам у меня в запасе имелось несколько дней, чтобы закончить дела в Москве. Сначала я положил в надежный банк сто пятьдесят тысяч долларов. Вообще-то, надежным был не банк, а его сотрудники. С управляющим банком, кандидатом экономических наук Арсеном, меня познакомил Веня. Вернее, мы пришли к Арсену втроем: Веня, его друг Алекс и я. Веня и Алекс работали совсем недавно (в советские времена) в одном институте с Арсеном. Все трое были тогда заведующими лабораториями и принадлежали к одной группировке членов ученого совета института. Веня представил меня:

– Арсен, Миша надежный парень, я его знаю много лет. Когда нужно, он не подведет. Но и ему нужен надежный банк. Как в твоём хозяйстве дела? Нормально плаваете?

– Вроде пока все спокойно. А о какой сумме идет речь и что с деньгами делать?

– Сумма для твоего банка небольшая – сто пятьдесят тысяч долларов. И делать с ними ничего не нужно. Просто полежат месяц у тебя. А потом он пустит деньги в оборот. Ты чего-нибудь платишь?

– Если гарантия, что месяц деньги пролежат без движения, то восемь процентов годовых. Не много, но это ведь в долларах.

Тут вмешался я:

– Восемь вполне достаточно. Главное для меня надежность. То есть чтобы предупредил, если у банка начнутся проблемы.

– Гарантирую. Я тебе сейчас представлю операциониста, который будет тебя обслуживать.

Он позвонил секретарю, попросил пригласить Володю и принести нам немного закуски. Потом вытащил бутылку коньяка, разлил по рюмкам, но мы не успели выпить, так как пришел молодой парень.

– Володя, обеспечь моему другу Михаилу щадящий режим. Будь с ним на связи и делай все по его указаниям.

Я передал парню деньги и он ушел оформлять бумаги. Мы еще посидели немного, выпили символически за начало совместной работы. Арсен попенял мужикам, что не заходят, но признался, что и сам тоже все время в закрутке, совсем нет времени для визитов. Потом они вспомнили славное старое время, когда еженедельно где-нибудь отмечались по пятницам после работы, посмеялись над каким-то непонятым мной эпизодом, когда «прокатили старого хрыча», посетовали, что стареют. В общем, как всегда, когда встречаются приятели после довольно длительной разлуки. Наконец пришел Володя и принес бумаги. Мы обменялись номерами телефонов, и я предупредил, что почти месяц буду отсутствовать.

У меня оставалось на руках еще пятьдесят тысяч, и этого было достаточно для всех моих ближайших планов. На следующий день я заехал в рабочее время к Вере Ивановне: днем, чтобы не встретиться с Виктором Борисовичем. Вручил ей маленький букетик и пакет для Виктора Борисовича. Она удивилась:

– Миша, что это вы? Почему не вечером? Посидели бы, поговорили. Вы что-то давно к нам не заглядывали. Кстати, что у вас с Ниночкой? Она мне жаловалась на сплошные неудачи в жизни. А ведь ее супруг так продвинулся по службе.

– Вера Ивановна, я совсем забегался, не хватает времени ни на визиты, ни на личную жизнь.

Вопрос о Нине я оставил за скобками, не хотелось говорить на эту болезную тему. Нина Васильевна была единственной из приятельниц Веры Ивановны, с которой у меня, к сожалению, затянулись отношения. Она никак не хотела лишиться «этой отдушины», как она называла наши редкие встречи. Единственная из моих знакомых, которая могла явиться на Преображенку без предварительной договоренности и начать жаловаться на свое несчастливое замужество. Я этого не понимал или не хотел понимать.

Ее муж (я с ним как-то встречался у Веры Ивановны) – прекрасный человек, на мой взгляд, преуспевающий руководитель крупной государственной организации, души не чающий в своей Ниночке, обеспечивающий ей жизнь без забот и чрезмерных хлопот. Но она постоянно жаловалась на бездуховность, беспросветность жизни, на то, что муж ее не понимает, почти все время посвящает работе, не интересуется ее делами. (Как будто у нее были какие-то дела кроме хождения в парикмахерскую, визитов к знакомым дамам и посещения выставок.) Мне это порядком надоело, но сделать решительный шаг я никак не мог. Она вполне могла закатить нешуточный скандал, не заботясь о своем имени и положении мужа. В общем, она была для меня проблемой.

– Вера Ивановна, разрешите сказать без уверток, без уклончивых объяснений...

– Что-то случилось, Миша?

– Нет, просто я уезжаю на время и хочу передать Виктору Борисовичу этот пакет с деньгами. Он для меня так много сделал, и я не знаю, как его отблагодарить.

– Миша, ну о чем ты говоришь, какие деньги могут быть между вами?

– Вера Ивановна, такие времена пошли. Он ведь получает теперь совсем смешные деньги. А вы достойны лучшей жизни. Вы давно мечтаете съездить во Францию, в Париж. Здесь двадцать тысяч долларов. Уговорите, пожалуйста, Виктора Борисовича принять эти деньги – они вам нужны больше, чем мне.

Глаза Веры Ивановны расширились, она внимательно и, как показалось мне, с упреком посмотрела на меня, но пакет взяла.

– Не знаю, правильно ли это, но я попытаюсь.

– Спасибо, Вера Ивановна. Простите меня за то, что не могу задержаться, но я действительно спешу. Пожалуйста, никому кроме Виктора Борисовича не говорите о моем визите.

Целуя на прощанье руку, я прижался к ней щекой; кому ведомо, когда снова я смогу увидеть эту чудесную женщину, так мягко, по-матерински, заботившуюся обо мне. Вечером мне позвонил Виктор Борисович:

– Михаил, что ты делаешь? Почему этот сверток? Нельзя так. В конце концов мог бы мне позвонить, встретились бы.

– Виктор Борисович, простите, но, по-моему, я сделал все нормально. Не хотел ставить вас в неудобное положение, я вам слишком многим обязан. И вообще, не знаю, чем бы закончилась такая встреча.

– А с МММ ты закончил?

– Да, и это результат.

– Обрати теперь внимание на государственные краткосрочные обязательства правительства.

Я и сам уже думал об этом. Мы пару раз обсуждали эти обязательства (ГКО) и прогнозировали, что при таком тренде доходности дело должно кончиться крахом. Ни одна организация, ни одно государство не может долго продолжать заимствования на таких условиях. Вопрос только во времени. Мы не предполагали, что этот болезненный процесс может затянуться на столько лет. Сказалась, вероятно, кредиторская история и безупречная репутация Советского Союза как аккуратного плательщика по своим обязательствам. Ну и безмерная жадность кредиторов.

Напоследок я только спросил бывшего шефа, в курсе ли он оперативной политики траншей.

– Постоянно в курсе. И лучше работать с рублями; по ним курс обязательств будет, условно, более волатильным.

– Учту. Но после возвращения из отпуска.

Чтобы понять, почему я решил на время исчезнуть из Москвы, нужно вернуться на некоторое время назад. Через неделю после того, как я начал активно работать с приватизацион-

ными чеками, ко мне в туалете рядом с залом торговой площадки подошел тихий, незаметный мужик и по-дружески начал объяснять:

– Ты уже не новичок, у тебя приличные обороты и нужно делиться.

– С кем это?

– Площадку «ведут» солидные люди, они оберегают всех нас от неприятностей, но это требует расходов. Поэтому нужно делиться. Добровольные пожертвования должны быть в пределах пяти процентов от профита. Доходы каждого не проверяются детально, ведь все мы честные люди. Но утаивать их не стоит.

– А что будет, если я не буду добровольно жертвовать?

– Да ничего особенного не будет, но система не станет тогда защищать тебя от неприятностей. А они, к сожалению, случаются слишком часто.

– Я подумаю.

Но про себя решил, что делиться с неизвестными «защитниками» не собираюсь. Дня через три ко мне снова в туалете подошел тот же мужик и спросил:

– Ну, что ты решил?

– У меня другая компания.

Он все так же негромко сказал:

– Тогда ты сам в ответе за свои проблемы.

– Понимаю, – сказал я тоже негромко.

Я попросил одного из знакомых проверить связи этого мужика. Он понаблюдал два дня и сказал, что реальных связей с серьезными людьми у мужика нет. По крайней мере, за два дня он не видел таких контактов. Я, в свою очередь, стал внимательнее приглядываться к окружающим и заметил на следующий день молодого парня, бросающего на меня время от времени быстрые взгляды. Было неприятно, но почему-то не страшно. К концу работы площадки он исчез, но на следующий день появился снова. Теперь он держался поближе ко мне и не скрывал, что следит за мной. Это нервировало, заставляло отвлекаться от возможных сделок. День окончился для меня практически без результатов, то есть без интересных сделок. К концу дня парень опять исчез.

Так было и на третий день. Тихий мужик тоже время от времени появлялся в поле моего зрения, как будто предлагая поговорить с ним. Я злился, но старался не показывать вида. Дело в том, что я не поверил в реальность угроз. Ну не показалась мне эта парочка страшной, если за ними не стоит никто. Но однажды молодой парень не исчез в конце дня, а неторопливо двинулся за мной, совершенно не скрываясь. Я, тоже не торопясь, прошел в метро, проехал несколько остановок до центра, не пытаясь оторваться от него, вышел у Библиотеки Ленина и пошел в переулки за Домом журналистов, как бы приглашая его к контакту. Возможно, это смутило его, но он продолжал неотступно следовать за мной. Это были хорошо знакомые мне места, так как здесь в одном из приземистых двухэтажных домов жила моя приятельница. Я зашел в знакомый подъезд, быстро поднялся на второй этаж, и по запутанному коридору прошел в другой подъезд, вторая дверь которого выходила в соседний переулок. Потом спокойно прошел до станции Октябрьская и уехал к себе на Преображенку.

На следующий день парень снова попытался следовать за мной, но мне это надоело. Я оторвался от него прямо в метро на пересадочном узле около Библиотеки Ленина. В общем, неделя была испорчена. В субботу я подъехал к знакомому дилеру, о котором понаслышке знал, что он имеет контакты с продавцами оружия.

– У меня к тебе просьба. – Я не стал ходить вокруг да около. – Представь меня надежному продавцу оружия.

Дилер посмотрел на меня внимательно:

– Тебе это действительно нужно?

– Да, появились проблемы...

Он тут же позвонил кому-то: «...да... да... человек надежный». Повернулся ко мне:

– Что ты хотел бы?

– «Макаров». Чистый, не засвеченный.

Я просто хорошо знал этот пистолет – в институте на военной подготовке мы стреляли именно из «макарова». Договорились встретиться в Нескучном саду.

Продавец действительно принес пару пистолетов и сказал, что они прямо со склада, номера спилены. Пистолеты выглядели новыми. Я взял один из них, заплатил не торгуясь пятьсот долларов и получил в придачу пачку патронов. Продавец сказал, что стволы пристреляны, проблем не должно быть, а если что не так, то его можно найти через моего приятеля. На этом и расстались. В воскресенье я проверил ствол в лесу около Перловки. Все было нормально, и я перестал волноваться.

В понедельник история повторилась. Опять парнишка пытался «вести» меня. Я ему это легко позволил, но затянул наши странствования: зашел в кафе, посидел там не менее сорока минут и поводел его еще с полчаса по Москве, пока не завел в глухое место возле Патриарших (или они сейчас Пионерские?) прудов. Там я прислонился к глухой стенке и стал ждать. У парня было безвыходное положение: он не мог исчезнуть, так как это означало бы полное поражение, но и не знал, чего нужно бояться ему. Он просто растерялся, демонстративно вытащил нож и стал подходить ближе. Я ему сказал:

– Не дури, не слушайся идиота, который послал тебя на убой.

Но мальчик продолжал медленно подходить ко мне. Я выхватил из-за ремня пистолет и почти не целясь выстрелил ему в левую ногу. Стреляю я неплохо: в институте никогда не выбивал меньше чем двадцать восемь с трех выстрелов, поэтому пуля задела мякоть, не причинив особенного вреда. Однако вид нацеленного оружия, боль в ноге и неожиданность произвели на парня слишком сильное впечатление. Он заорал:

– Не стреляй, я больше не буду.

И расплакался. Я подошел к нему поближе, целясь прямо в переносицу и сказал:

– Передай своему говнюку, что если он еще раз подойдет ко мне или подошлет кого-то, то я отстрелю ему яйца.

Потом развернулся и пошел, не оглядываясь к станции метро Маяковская. Больше они меня не тревожили. «Макаров» я тщательно протер и спрятал в лесу, около Перловки.

Все это хорошо, но дилер, которого я «кинул», совершенно другой закваски. Я знал точно, что с ним теперь лучше долго не контактировать.

Исчезнуть с горизонта

Я не поехал сразу в Житомир, нужно было еще заехать в Ленинград. Теперь он вроде бы снова называется Петербургом. Непривычно.

В дверях меня встретил Володя. Не отходя в сторону, он хмуро заявил, что мамы нет дома и придет она не скоро. Казалось, что он не жаждет пускать меня в квартиру.

– Что же ты меня не пускаешь? Никого нет дома?

– Да нет, дедушка дома.

– Ну дай мне пройти, мне нужно поговорить с ним.

Володя, продолжая хмуриться, отступил немного, давая мне дорогу. Мальчики почти всегда защищают маму, если родители разошлись. Володя уже большой, у нас с ним давно не ладится – он считает меня виновным в распаде семьи. Наверное, он по-своему прав, но ведь и я тоже имею право на собственную жизнь. В коридор вышел Петр Афанасьевич.

– Миша, здравствуй, какими судьбами? Что же ты не проходишь?

– Да вот, с Владимиром разговариваем.

– Проходи, проходи ко мне в кабинет, сейчас я чаек сооружу. Или что-то покрепче?

– Нет, Петр Афанасьевич, покрепче не нужно, а чайком я с удовольствием побалуюсь.

Варвара Игнатьевна готовит прекрасный чай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.